

Анатолий Алейчик

**МОЙ ПОТОМОК ДАЛЬНИЙ,
ЗДРАВСТВУЙ!**

**Стихотворения
Избранное в двух томах**

Том II

Москва
Издательство «БПП»
2010

ББК 84 (2Рос.-Рус.) 6
А 93

***Текст представлен в авторской редакции,
орфографии, пунктуации***

Алейчик Анатолий Александрович
Мой потомок дальний, здравствуй! — Стихотворения.
Избранное в 2 томах. Том II. — М.:, 2010 — 234 с.

Сост., ред., вступ. ст. С. Гладыш

© Алейчик А. А., 2010

© Гладыш С. Д., вступительная статья, 2010

© Издательство «БПП», 2010

ISBN 978-5-901746-15-8

СТИХОТВОРЕНИЯ
II том

**«КАК ХОЧЕТСЯ МНЕ
БЫТЬ САМИМ СОБОЮ»
(2005 — 2006)**

* * *

Холодно! Спаяно сердце в комочек
Немого льда.
В холод — меняется даже росчерк
Из-под пера.

Жарко! Стекают потоки пота
По телу вниз.
В жару — не сыщешь прочнее оплота,
Чем Стикс.

Капелька пота к холодному сердцу
Прильнула,
И — в отогретую его дверцу
Любовь шагнула.

* * *

Я не такой, как другие.
Другие — вовсе не я.
Мускулы их тугие
Обидят и воробья.
Я же слабее гораздо
Этой живучей птахи,
Я умираю разом
От слова, несущего страхи.
Попробуй, воскликни: «Пуля!» —
Тут же удар по телу,
Валюсь я на землю кулем,
Словом убитый умело.

* * *

Сегодня мне трудно, как никогда,
Сердце больное стонет:
Ровно полгода ушла в никуда
Мама — и не приходит.

Даже во снах, где правит кошмар,
Пот источая липкий,
Где, обнимая земной весь шар,
Прошлое мстит за ошибки,

Те, что я сделал. Но даже путь
Тяжкий и беспрестанный
Не разрешил мне на миг отдохнуть
Там, где покоится мама.

* * *

Нетвердой поступью идет
Мужчина с маленьким ребенком,
Туда, где их сегодня ждет
Ночлег и свежая похлебка.
Туда, где их хоть кто-то ждет
Хотя бы с кислою улыбкой,
И кто за них слезу прольет
По всем свершившимся ошибкам.

Чабрец

Войдите же, войдите!
Входите — наконец!!!
Две чашечки налиты
Нам чаю, в них чабрец.
С дороги чай горячий
С руки попить всегда,
Ах, да, так Вы незрячий
С дорогой в никуда.
Ну, протяните руку,
Возьмите чашку, вот,
Чабрец всему порукой,
Кто слепо вдаль идет.
Хоть ноги Ваши сбиты
До крови – что сказать!
Готов чабрец испытый
И это врачевать.
Да что же вы, с шарманкой,
Да на пол — в слякоть, в грязь...
Чабрец, его останки
Собой в гробу укрась.

* * *

Как собака, улегся вечер
У моих исстрадавшихся ног,
И лизал их бродяга ветер
Под деревьев тяжелый вздох.

И мошке суетливо кружиться,
Даже ветру наперекор,
Есть резон — свежей крови напиться
Может праведник или вор.

Отдаю я свои конечности
Власти случая и судьбе,
Пусть послужат и Мигу и Вечности
И до вздоха последнего — Мне.

Я сквозь Осень и Зиму пёхал,
Натерпевшись всякого страха,
Прибыв в Лето, и Ахал и Охал,
Как побитая в драке собака!

* * *

Простая бабенка, ничем неприметная,
Одетая — абы как,
С глазами потухшими, тощая, бледная,
Стоит у входа в кабак.

Сколько ей лет? И прикинуть-то сложно —
Сорок, считай на круг,
С одной из сторон — дать тридцать можно,
Но больше — по коже рук.

Что ей шататься простоволосой,
Пьяной, у входа в кабак?
Ночь задается горьким вопросом:
Как же все это, как?

И отвечает баба-бабуля,
Пьяный подняв голосок:
«Всему виною чеченская пуля
Сыну в русский висок».

* * *

Храни тебя Господь, сынок,
От зависти, дурного глаза,
Чтоб сам ты выбирать бы смог
Пути и тропки раз за разом,
Которые тебе отец
Предсказывал в своих беседах.
И убеждал тебя — юнец!
Стань мужем, коль настигнут беды.
И никогда не предавай
Родных, друзей, свою Отчизну.
Вперед сынок, не трусь, давай!
Хотя б тот шаг — отцова тризна.

* * *

Верните скипетр династии Романовых
И царскую Корону, Кремль и Трон!
Пусть Род их благодатный строит заново
Израненную Русь со всех сторон.

И даже то, что царь наследный молод,
Не умалит величия его, —
Ведь взгляд его тоской иконной полон,
В нем скорбь и боль Иисуса самого.

И пусть ему сопутствует удача
В повторном собирании земель.
За ним Господь. За ним Россия, плача,
Пройдет опять Крещения купель.

* * *

Страшна мне мысль о том, что будет,
Когда обузой станешь всем,
И неприятие разбудит
В родных и близких — сонм проблем.
Которыми ты, словно ежик,
К известной дате обрастешь,
Когда стакан воды не сможешь
Испить, и под себя прольешь!

* * *

Случалось мне подглядывать, как девки
Перед купаньем скидывали платья.
Пока ещё не бабы, полудети
С едва обозначаемую статью.

Они белы, их попки, как капуста
С обдернутыми листьями — упруги;
Торчащие невызревшие груди
И ниже живота почти всё пусто.

Но то осталось в босоногом детстве.
Стеснительность свою припоминая,
Я спящую красотку по соседству
В своих объятьях с похотью сжимаю.

Разбросаны по комнате бикини,
Муаровое платье с белой рюшей.
Все это в свете люстры молча скинув,
Она предстала в форме спелой груши.

Загар ее и грудь ее зывали:
Возьми меня! Под джазовые спевки,
Я видел все и вспоминал, как девки
Свой женский стыд ладошками скрывали.

* * *

Как хочется мне быть самим собою
И не искать других себе в пример.
Возможно, некрасив, увы, не скрою;
Возможно, что давно пенсионер.

Я для себя — такой. И нету доли
Красивей и изящнее, чем та,
Которой я живу среди застолий,
Где ширь Души важна и высота.

Возможно, кто-то мне и попеняет,
И призовет не брать с меня пример.
Но я-то знаю! Бог на небе знает,
Каких Мерил достоин я и Мер!

* * *

Здесь все, как было много лет назад:
Тропинка по-над речкой с ивняками,
Слепой ручей, обидчик всех преград,
Лежащих на пути, и мшистый камень.

Он зеленел, как ряска, на воде,
И влажным языком вода лизала,
Его всегда! Да почитай везде,
Вода, она всегда, всему начало.

Стрекозы золотят над лилиями нимб,
Мошка, едва приметная, столбится,
И в папоротник лег смертельной силы гриб
И шляпкою на солнце золотится.

Здесь все осталось так, и будет так!
Слепой ручей с ленивыми жуками,
Чуть дальше непролазный старый тракт,
А здесь тропинка к речке с ивняками!

* * *

Учись давить в зачатке страхи,
Чтоб жизнь достойнее прожить,
И слышать, как щебечут птахи
А не кричит ночная выпь.
И если вдруг зашевелится
В Душе тревога, — знай, летит,
К тебе ночная эта птица
И страх разбудит, хоть и мнится
Тебе, что он мертвецки спит.

* * *

Где бы мне задуматься о том,
Что пройдут нелегкой жизни годы,
И лежать в могиле под крестом
Предстоит со всем ушедшим родом.

И чтоб было там мне хорошо,
Чтобы точно так и сын мой думал,
И на Радуницу бы пришел
И попу червонец в храме сунул.

И тогда бы лет чрез двадцать пять
Каждый подошедший видел четко —
Есть кому и Душу поминать,
И портрет на камне чистить щеткой.

* * *

Ничего мне на свете не жалко
Кроме Родины, да семьи,
Да на месте своем чтоб Пожарский
Вместе с Мининым Русь стерегли.
Да на спуске «Василий Блаженный»
С куполами своими стоял;
Площадь Красную тыща саженную
Шаг парадный, как встарь обмерял.
Обливаясь соленым потом,
На трибуне вожди могли,
Показаться всем доброхотами
Нашей Русской святой земли.
Даже если и бросит гранату
В них какой-нибудь вор лихой,
То гранату ту многократно
Люди тут же накроют собой.

* * *

Усопшая родня!
Хочу сказать Вам я,
Что нет такого дня,
Чтоб быть Вам без меня.
Молитву ли творя,
Со Богом говоря,
Я не был бы и я,
Забыв Вас все дня.
И в том судьба моя.
По звукам соловья,
В рассветах алых дня
Грущу о Вас родня
Умершая моя!

* * *

Сердце милое, ты бейся
И меня не подведи,
На себя само надейся
И вперед меня веди.
Там, в дымах Электростали
Меня дело очень ждет
И закончится едва ли,
Если сердце подведет.
Я еще кому-то нужен,
Но куда ж я без тебя?
Я заботами загружен
В тяготах ночи и дня.

Сатане

Привет тебе! О повелитель Ада,
Что ты желаешь? Душу ли купить
Мою — иль просто выкрасть из ограды
Некрепких ребер и до дна испить.

И так, и сяк я твой. В твоем понятье —
За мной Грехов смертельных череда,
И я перед тобою в черном платье
Скорбей и тризн — с названием Беда.

Ты мной располагать всевластно можешь,
Приказ твой тяжек, как в графине ртуть,
Поэтому себе вгоняю ножик,
По прихоти твоей — по рукоятку, в грудь.

Родительская суббота

Мама! Как ты там, мама!
Не болит ли сердце твое,
За меня, у кого в карманах
Только ветер залетный поет,

У кого на Душе лишь скука
И тоска на лице застыла?
Протяни мне свою руку
Из холодной твоей могилы.

Холодна она также, но все же
Может много плохого скинуть,
С обожженной обидами кожи
Твоего неразумного сына.

* * *

Перед порогом оглянись,
Когда выходишь или входишь
Куда-то! И не торопись
Шагнуть за грань, где смысл угробишь
Того, чем жил и был, и впредь
Готов спешить все той дорогой.
И потерпи секунду, ведь
Твой взгляд — любящий или строгий —
Возможно, жизнь перевернет
И дом твой превратит в руины,
Иль к покаянью приведет,
Слезой утешившись невинной.

* * *

Я хотел бы научиться гладью
По канве рисунки вышивать,
И при этом сторону, что задняя,
Вовсе за другую выдавать.

Пусть рисунок мал и незатейлив,
Но тогда не попеняют мне,
Что лицо находится на деле
На другой, похоже, стороне!

Буду знать я — что-то да умею,
Но о том когда-нибудь потом.
А сейчас веду к концу затею:
Вышиваю жизнь свою крестом.

* * *

Приведите Правду на цепочке,
Пусть она послужит верой мне.
Я ей смастерю жильё и строчки
Посвящу, рожденные в огне
Преогромной к Истине Любви,
Той, что, обнимая шар земной,
Непременно будет и с тобою
В ходком сердце, в жилах с током крови.
Только приведите мне ее
На цепочке, чтоб не убежала,
В чье-то непригодное жильё,
И с отравой не вкусила жало.
Только приведите мне ее,
Ведь она сама меня не знает,
Где-то рядом, видимо, шагает
Этим, отравляя Бытиё.
А меня всемерно Ложь ласкает
И друзья нечистые ее.

* * *

Дышу еще, но, Боже мой,
Все реже и труднее.
Мне надлежит самим собой
Быть в этой лотерее,
Где выигрыш — ох! — неспроста
Всевышним предоставлен.
Стою распятым у креста
Раскрытых настужь ставен.
А там, за ними, за стеклом
И в полумраке комнат,
С лицом звериным за столом
Сидит зловещий Омен.
И манит жестами зайти,
Не зная брода, в воду,
К себе, чтобы в конце пути
Я вожденную найти
Мог маску с кислородом.

* * *

Я задумал песню спеть —
Пусть вокруг все слышат,
Что я вырвался за клеть
С черепичной крышей!
Где со мной жила тоска,
Нелюбовь и мука,
Где боек мне у виска
Все осечки стучал.
А теперь стою, пою
Непогоде Оду.
Не вернусь я в клеть свою
Ни за что и сроду.

* * *

Он в раке лежал золочёной,
Висели вокруг образа,
И полные скорби глаза
Глядели в простор освященный.
Вся в черном, над ракой склонясь,
Рыдала одна прихожанка.
И всем ее было так жалко,
Что всякий скорбел, не таясь.
И черные пряди волос
В златом обрамлении вились,
И слезы на раку струились,
И все было мокрым от слез.
Тихонько звала: «Константин!» —
Того, кто покоился в раке,
И встрепенулись во мраке
Останки его, как один.
И лик ее вдруг воссиял
Красою Венеры Милосской,
И каждый словам ее внял:
«Прощай, Константин Богородский!»

Каникулы

Январь в зените, снег валит,
Мороз, обмякнув, стал нежнее
Баб снежных кутать в монолит
Одежд ледовых. И сильнее
Девчат на улицу манить,
Замешивать со смехом иней,
Чтоб слышно было, как ходить
Любая может, как гусыня.
А парням с горки вниз лететь,
Геройским движимым азартом,
И падать и от страсти млеть
По той, с кем сядет он за парту.

* * *

Давай, я изменю себе
И напишу лишь про хорошее
В моей творящейся судьбе,
Избе и просто под калошею,

Где только нежные цветы
И без шипов и без колючек.
Но носишь ли калоши ты,
Мой друг, любитель модных штучек?!

И есть ли у тебя изба, как у меня, —
Иль терем светлый,
Стеклопакетами маня,
Ждет в свои залы люд заветный?

А что Судьба, она к тебе
Благоволит, и ты достоин
Быть тем, чем кажешься себе?
Увы, удел твой смех — не стоны.

А я заметил над избой
Своей — в лазури неба птаха
Волшебно пела. И Судьбой
Своей прельщенный, тихо плакал.

* * *

Я сладких слов боюсь
И грубых не приемлю,
Но только с словом Русь
Отождествляю Землю.

И только с словом Русь
Отождествляю небо,
Лесов осенних грусть
И куст цветущей Вербы.

И где б мне слов сыскать
Таких, чтоб всем понятно
Представилось, что Мать
И Русь — одно понятие!

Что весь я из золы
Печальных изб и праха.
Что нет такой хвалы
И нет такого страха,

Чтоб возвеличить Русь!
Иль дать ей вовсе сгинуть.
Я вязи слов боюсь,
Как овод паутины,

И пусть слова звучат
Обычные, но твердо.
Русь будет отвечать
Колосьями на зерна.

Русь будет, есть, была.
Я был, и есть и буду
В потомках и делах
Их, для Отчизны — всюду.

* * *

Я жизнью всей тебе обязан,
Всей — от начала до конца,
И ей до некуда наказан
Твоей кончиной и отца.

Вы, что могли, мне все отдали,
И даже больше во сто крат;
Тобой рожден! Отец же далее
Всю нескончаемость в заклад

Оставил мне! И вот уж нету
И ни тебя и ни его,
И я бреду вперед по свету
Один! — Лишившийся всего,

И среди Вас главней не будет
Один другого у меня.
Отец! Из сцепки наших Судеб
Ты выпал, маму вслед маня.

* * *

Провинциальным словом дорожу,
Как некоим подобием алмаза,
Когда в стихах в заоблачье брожу,
Во чрево недр спускаюсь раз за разом.

И трудно перепутать глубину
И простоту Тамбовского окраса
Воздушных фраз! И мне ль вменять в вину,
Что чуть ли не по Далю эти фразы.

И каждый раз, записывая то,
Что родником из сердца вытекает,
Я чувствую — Душа Руси Святой
Порядок этих слов благословляет,

И принимает страстно, как всегда,
Заявленный запал провинциала.
Любое слово ведь звучит тогда,
Когда оно народа частью стало.

* * *

Еретики! Кругом еретики!
Не верящие ни во что на свете:
Ни в Бога, ни в людей, и ни в стихий
Природою расставленные сети,
И ни в самих себя, в загробный мир
И разных мифологий экземпляры,
Не верящие вовсе и в эфир,
Плодящий политические свары.
И даже в то, что всё еще живут
В своем неверье, — люди те не верят.
Еретики захлопывают двери
Пред самым носом Веры там и тут!

* * *

Прошли назначенные сроки —
Медовых губ я не вкусил.
Обмана горькие уроки
Забрали много чувств и сил.

Я ждал, и жаждал, ожидая
Твое явление ко мне,
Но ты, об этом твердо зная,
К «Приду!» добавила лишь «Не!»

И я один, и нету горче
Дни в одиночестве сжигать,
Воспоминаньями о ночи,
Которая могла бы стать

Прелюдией, достойной к жизни
В Любви и Счастье нам с тобой.
Полынный привкус всюду виснет:
Ты не моя! — И я не твой!

* * *

Украсть — любому в жизни шанс возможен,
Хоть в детстве, хоть когда и мудр и сед.
Как человек — бывает всяк низложен,
И каждый знает тьму — не только свет!

И ты не верь, что этот взять не может
Чужого, ни за что и никогда.
Он так с тобой, приятель, в мыслях схожий,
Что может взять, хоть то, что не гадал.

Да просто так: а кто о том узнает?
Лишь только Бог! И тот, поди, простит
Его! Кто мудрым по земле шагает
И позабыл, что заповедь гласит:

«Не укради!» Но как исполнить можно
Ее, когда рукам пригляда нет,
И ты кладешь тихонько, осторожно
В карман с фуршета яблок и конфет.

* * *

Безверье верой стало
У всех, и у меня,
Хоть совесть и роптала
В ночи! И в свете Дня.

А крест я по привычке
На лоб и грудь кладу.
Безверье — это лично
Присутствует в роду.

И так и сяк листаю
Я календарь, понять
Хочу — мне ль жизнь такая,
Без Веры умирать?

Мне дорог Рай Отчизны
И колоколен звон,
Сиянье каждой ризы
В избе! И в ней мой дом.

* * *

От слова — спасенье, от слова и гибель.
Пословицы ясен резон,
Но я убиенного словом не видел,
Не явь утверждение — сон.

Обидеть, конечно, и словом возможно,
Обидеть же — не убить,
И зря, мой хулитель, ты лезешь из кожи:
Дурак ты! И с тем тебе жить.

Но вот поддержать, обласкать, успокоить —
Достойный для Слова венец,
И нечего без толку драться и спорить.
Доверьтесь Любви наконец!

* * *

Вечер расстилается над Яхромой,
Как туманы над Москвой-рекой,
С золотым закатом, смачный, аховый
Вечер подмосковный, золотой.

Купола над храмами сверкают
И кресты венчают шпили их.
Яхромчанка! Что тебе мешает
Прочитать России дивный стих?

Не велик ни город, ни округа;
Так себе провинция, но вдруг
Чувствуешь, что каждый друг для друга
Здесь на самом деле брат и друг.

* * *

Прости меня, ушедшая любовь,
И не кори, я в том невиноватый,
Что сколько языком не суесловь
Прошедшего, слова — увы — невнятны.

Дорогой, ты своюю — я своей,
Мы разбрелись по разным весям света.
Прости меня и укорять не смей,
Что я — испепеленная комета.

Упавшая с небес к твоим ногам,
Которой хвост в безвременье растаял.
Я не любил тебя, но мой ли срам,
Что я любить себя — тебя заставил.

Хотя и ты совсем, совсем не то,
Что называют люди «нелюбимой»,
Любил я, сколько мог, но был я нелюдимым
И мертвым, словно восковой цветок,

Который в Радуницу в сень могил
Несут родные самым близким людям.
Я был с тобой и сколько мог, хранил
Тебя от бед, но вместе мы не будем!

* * *

Ночь, но звезд пока не видно —
Застилают небо тучи.
До чего же все ж обидно,
Что один фонарь везучий,

Остальные же разбиты
Из рогаток и винтовок,
Только этот вот забытый
Всеми! Светится бедовый.

Но и он назавтра станет
Целью пацанвы жестокой,
И иллюзии растают
В сердце Дамы одинокой.

Не дойти ей до квартиры;
К горлу нож — лихое дело...
Но на небе звездном с миром
Вниз, смеясь, луна глядела.

* * *

Я хочу жить в доме на земле,
Ощущать стопой ее прохладу,
Чтоб уютной показалась мне
И тропа из трав к родному саду.

Чтоб я смог цепного пса обнять,
Ощувив с прохладой влажность носа,
И отдохновенье чувствам дать,
Пробежав по росным травам босым.

И налечь на старенький забор
Лихо разбуянившейся грудью,
И кукушки слышать приговор —
И вскричать отчаянно: «Кто судьи?!»

А потом в гамак меж яблонь двух —
И качаться мерно, смежив очи.
Я хотел бы в доме жить... А вдруг —
Получу, чего желаю очень?

* * *

Красы у солнца не займешь
И вольности у моря,
И даже на чекушку грош
Добудешь не без горя.

Пусть будет так, как повелось:
Миллион не разменяешь,
И не растратишь под «Авось
Отдам» — ты это знаешь.

Есть вещи, что не подлежат
Делению на части,
Хотя бы горы, что лежат,
Разинув жадно пасти.

Хотя бы ветры, что летят
Сквозь свет земной в пространство,
Не отдадут тебе заряд
Упорства и упрямства.

Ты можешь только подражать,
Хоть в чем, красе Природы,
Но брать взаймы, чтоб лучше стать

Обязан каждый сроду.

* * *

Всю жизнь тебе лизать, как пес поганый,
Больные ноги буду — не гони.
Любовь такая станет с неба манной,
И ты не отрекайся, а прими.

Поганый лишь тебе, другим достойней
И в мыслях допускать или считать,
Не будет смысла, ведь куда спокойней
С любимым жить, а не в любовь играть.

Тебе такую жизнь я предлагаю
И свить со мной гнездо тебя прошу.
А пес ли я? Да нет, я все ж летаю
И воздухом одним с тобой дышу.

* * *

Пусть ветвь моя не сгинет во веках
На древе нескончаемого рода,
Которое держу в своих руках:
Фрагмент из жизни русского народа.
Чего там только нет, и каждый факт
Из книги извлечённый был церковной,
Какие имена, и кто кому был брат,
Описано в фамильной родословной.
И, вглядываясь в лица тех дедов
И прадедов, я был уверен: Боже!
Ведь точно так, из глубины веков
Смотреть правнукам в души буду тоже.
Поэтому сверяю каждый шаг
И мысль свою и Дело с планкой нужной,
И понимаю, что такое страх
Пред тем, кто будет изучать мою наружность.

* * *

Мне с тобою хорошо,
Мой блокнот походный!
Чтоб понять тебя, я шел
В жизни тропкой сорной.
Неправдивой иногда,
Некрасивой — каюсь!
Но уж многие года
Я в тебе скитаюсь.
И что мне засело в ум —
На бумаге вязью
Я пишу! Возможен глум
И однообразье.
Но когда пишу — перо
Не дает мне киснуть,
Льется светлое Добро,
Злое крепко стиснув.
Хочешь слово «Поцелуй!»
Выведу тебе я,
От него ты и танцуй,
Словно Саломея.

* * *

Во мне не выпитая чаша
Добра, заботы и тепла,
О ней я вспоминаю чаще,
Чем о недобром чувстве зла.
И так мне хочется делиться
Хорошим этим всякий раз,
Когда в мозгу моем роится
О ней наветов черный сказ.
И как мне Вам помочь напиться
Из чаши Доброты, тепла,
Когда беды шальная птица
Над ней раскинула крыла?

* * *

Я повернулся вслед летящей мысли
И, смысл ее желая удержать
Хоть в памяти своей, я, зубы стиснув,
Пытался вслед за фразами бежать.
Они летели широко, крылато,
И бег мой превращая ни во что,
Уродовали все когтистой лапой
В природе, называемой Мечтой.
А то, что за Мечтой нельзя угнаться —
На то она Мечта, чтоб ею быть.
Но каждый должен все-таки пытаться
За хвост свою жар-птицу ухватить!

* * *

Я потерял себя в людской толпе —
Когда и как, мне трудно разобраться.
Покуда я в стихах рулады пел,
Мне было время взять... и потеряться.

И не найти, увы, уже себя:
Другие мысли вокруг, оскалась, бродят,
Другие люди жаждут, не любя,
Меня назвать поганцем и уродом.

А я стремлюсь в себя излиться. Как?!
Мне это можно сделать при сознании,
Что я простак — и неуч — и чудака,
Себя не ощущающий в том звании!

* * *

Я есть ничто! Я — пар от той слезы,
Которая из глаз твоих упала,
Прекрасных глаз, на самые низы,
Туда, где пламя Ада полыхало.
Но я хоть пар, но пар слезы святой
И буду ветром вовремя подхвачен,
На небеса! Туда, где образ твой
Вовеки жив и будет не утрачен.
И буду я в том облаке парить,
Которое тебя на небе держит.
Для всех Ничто! Но для тебя я стержень,
С которым дальше жить да жить.

* * *

За каждый день, что прожил на земле,
Перед собой и всеми я в ответе:
Стихами, что ютятся на столе,
Делами, что творю на этом свете.

И нет желанья сбросить этот груз,
Как в вере оступившийся — вериги,
Боюсь я кары Божьей, но не трус
Терять достатка сладкие ковриги.

И ум меня за горло не возьмет
С фальшивой мыслью, — взять, да все и бросить:
Я весь в стихах, и ими всё живет
И продолженья жизни этой просит.

А как устану — может быть и так —
Возьмусь уже написанное править,
И, направляя чувства в свою память,
Опять гореть, Душой отвергнув мрак.

* * *

Прошедшим не горжусь,
Пришедшего не знаю,
Что будет — не стыжусь:
Судьбина штука злая.
И выйдет ли конфуз,
Иль будет все по праву,
Не знаю я, но туз
В колоде — есть отрава.
И если выйдет — грусть
Себе и всем стяжаю.
Прошедшим не горжусь,
Пришедшего — не знаю.

* * *

Я хотел победить тебя!.. и победил!
Твое ходкое сердце я пулей пробил.
И когда ты упал на плато, Мир стал Мал —
Для меня, когда враг мой на землю упал.
Я всегда сомневался в себе, без конца
Те сомненья-морщинки на глади лица,
И сейчас, когда кровь твоя струйкой бежит,
Победитель ли тот, кто как заяц дрожит,
Или все же удачею насмерть сражен?
Победитель, увы, навсегда побежден.

* * *

Небо звездное рыдало
В час урочный от того,
Что звезда слезою стала
И ударилась в окно.
По стеклу, огнем стекая,
Душу бередила мне,
Верой в дедушку Мазая
И в любовь на стороне,
Где уютлась Василиса
Распрекрасна, весела.
Звёзды — ядрышками риса
Кулинарка Василиса
В своей каше бы звала.

* * *

Не лишай меня, Господи, силы
Той, которой я наделен, —
Та, что все добродетели милой
Умножает на миллион,

Та, которая может заставить
Засмеяться и зарыдать,
И препон злым наветам поставить
И восславить вовек благодать.

А лиши меня, Господи, брани —
Злого умысла острый штык,
За возможность любого ранить
Отними у меня язык!

* * *

Сбудется это, а может, не сбудется —
Сон ненадежная веха примет.
Я заблудился, и всякий заблудится,
Если во снах ваших компаса нет.
Там, где живем мы иными понятиями,
Горы сдвигать нам не в труд! Или нет?
Сил не хватает сорвать с себя платье
И осрамиться на весь белый свет.
Знаю одно! То, что думаю, слепится
Ночью во сне в продолжение дня,
Даже и если увижу нелепицу:
Сон — пережитая песня моя.

* * *

Не хотелось бы девичью память
Перетруживать обещаньями,
Ведь она, словно снежная замять,
Непредвиденная, случайная.
И что ей не скажи — сбудется,
И в чем даст обет — не исполнится,
Память девичья мало трудится
И желаниями лишь полнится.
Есть момент, на котором зиждется
Этой памяти восприятие —
Когда губы твои движутся
К ее жадным губам в объятия.

**«И СНОВА ДЕНЬ И СНОВА
Я ЖИВУ» (2007 — 2008)**

* * *

Архив семейный, все мои родные —
Кто жив-здоров, кого, увы, уж нет, —
Мельканье лиц и жизней, как комет,
Страдающих под возгласы пустые.

Ах, этого я знал, и эту помню,
А от нее об этих жив рассказ,
У памяти моей — из бывших, кровных,
Прапрадедов моих иконостас.

Кто был да жил, разложен по ранжиру
От молодых, до самых старых лет,
И нету генеральских эполет
Средь них, и кто бесился с жиру.

Все скромны, в духе времени, но все ж
Мне хочется фантазии предаться,
И дворянином даже называться,
Но в ком, ты, голубая кровь, живешь?

Не в этом ли седом бородаче
С натруженными, сильными руками,
Дробил который с каторжными камень
А после нес к лабазу на плече.

Он там и сгинул, но его слеза
В мою Судьбу торит свою дорогу,
И видно, так угодно было Богу,
Чтоб мог я посмотреть в его глаза.

* * *

В стародавние дни и часы,
Когда Русь, словно мясо, терзали
То татаро-монгольские псы,
То тевтонцы в доспехах из стали,
И бесчисленных кочевных племен
Клык кровавый кромсал ее тело,
Но всегда через слезы и стон
Побеждать она злое умела.
На колени почти становясь,
Кровью землю вокруг заливая,
Словно дворник, мела она грязь
Орд бесчисленных Батые, Мамае,
Крестоносцев ковала мечи
На привычные дланям орала.
Много было погибнуть причин,
Но она лишь могучее стала.
И дошла через сумрак веков
До сегодняшних дней без изъянов,
Без ушедших в песок пустыков —
Обезумевших и Буянов!

* * *

Согнувшись в три дуги,
Мой век вперед шагает,
Сбивая сапоги
И ноги в кровь сбивая.

Туда, где хорошо,
Где поле колосится,
Где Иисус прошел,
Где можно помолиться.

И сапоги содрав
С саднящих ног, упиться,
Сознанием, что Прав!
Что поле колосится,

Что ты уже пришел,
И нету места болям,
И что «на посошок»
Не надо алкоголя.

Что век твой завершен
И ты ступаешь в вечность.
Как это хорошо —
Упасть звездой в млечность.

* * *

Из чащобы вышли двое
На поляну. Он. Она.
Ясно — дело молодое —
Был он муж, она — жена

На какие-то минуты,
Но за этот малый срок
Что их, верно, бес попутал,
Папой чей-то стал сынок.

А она, сама наивность,
Ведь Любовь — хмельней вина,
И за девичью активность
Будет мамой названа.

* * *

Странный гастарбайтер этот
Из насиженной дали
К нам в Россию не котлеты
Едет есть, ковать рубли!
Виновато улыбаясь,
Молча улицы метет,
И скинхедов опасаясь,
И в нужде любому каясь,
Кто его же — обдерет.
Про себя не забывая,
Что Россия — Божий дар
Для того, кто голодает
В кишлаках, он повторяет
Про себя: «Аллах Акбар».

* * *

Северный ветер в объятья ревнивца
Плечи земли заключил,
Инеем тронул деревьев ресницы,
Реки во льды заточил.
Снежной порошей прошелся полями,
И в обрамленьи седин
Ветви деревьев зажглись снегирями, —
Вспыхнули кисти рябин.
Щеки молодок румянцем подкрасил,
В шали закутал старух,
Северный ветер — Святой ипостаси
Твой исцеляющий Дух!

* * *

Богородский край просторный,
Утопающий в церквях,
Вдаль шагает тропкой торной
И бранится бабой вздорной,
Оступившейся в сенях

У дороги на столицу,
Где светлым-светло горят
Белокаменные лица
Из высоток, и смириться
С мраком в сенях не хотят.

Но когда задушит смогом,
Кремль, Елоховский собор,
Все стремятся в путь-дорогу
На Владимир, и со Богом
Через Богородский двор.

И, конечно, через сени
Примосковской стороны,
Там, где Пимен святость сеял,
Пушкин в Болдино затеял
Путь, где я живу и ты.

* * *

Стоит Чапаев с шашкой наголо,
На стремях в запале приподнявшись.
Проигран бой; увы, не повезло,
И хмурится Урал, его принявший.

И ветер блузку Анке расхристал,
И Петькину петлю порвал, как нитку,
И есаул коня кнутом хлестал
Чапая, не входившего в калитку.

И рыбы плыли, битые свинцом,
И рак на берегу Урала свистнул,
И я бранился с умершим отцом
И просыпался, зубы в страхе стиснув.

* * *

Я знаю, что тебе сегодня плохо:
Ты разругался с миром и женой,
На сына, что пока лишь только кроха,
Ты, пальцем указав, сказал: «Не мой!»
И без причины пнул ногой собаку,
И вазу тещи громыхнул об пол,
На мать родную накричав — заплакал,
Уткнувшись головой в ее подол.
Я это знаю! Мне ничуть не лучше.
Так мне судьбы превратности близки,
Что я готов себя, в обиде, слушать
И сердцем пить смертельный яд тоски.
А посему, себя отождествляя
С любим, кто в этот миг раздавлен, зол
Я всех со всеми мыслью примиряю, —
Что там, где гнев на разум ваш влияет,
Нет жизни, есть пустого эха звон.

* * *

Проходит жизнь в объятьях ночи.
Значительную часть ее,
Проводим мы, задремав очи,
И оды снам своим поем.

В которых счастье и несчастье,
Быль с небылью переплелись,
В которых каждый в одночасье
Сам режиссер, и сам артист.

Своих несбыточных мечтаний,
Своих кошмаров и грехов,
Своих страданий и метаний,
За день невысказанных слов.

И просыпаясь рано утром,
Улыбка, или липкий пот
Твоим лицом владеет — мудро
Остаток сна в тебе живет.

Но ночи прожиты другие —
Другими. Не смыкая глаз,
Они людские сны больные
В реальность облакают фраз.

И ночь, что в день перетекает,
Им совершенно неважна,
И просветленья плач стекает
На плод ночного миража.

* * *

Свой! — это тот, кто с тобой заодно,
Даже когда ты полезешь в окно
Вместо двери, что захлопнулась вдруг, —
Перед тобой несчастливый супруг.
Свой тебе тут же подставит плечо,
Козни врага заклеямит горячо,
И, за окно перевесив живот,
В комнате мирно себе заживет.
Но, коль случится какой-то конфуз,
Свой — перед фактом — окажется трус,
И для Фемиды, на чашу весов,
Двери дубовые лягут — засов,
Окна, рольставни, цепочки звено,
И не пробиться ни в дверь, ни в окно.

* * *

В сумерках любой предмет пугает
Наше восприятие вещей,
И в подкорке страхи оживают,
Жмут сознание острием клещей.

И крадешься ты, мускулатурой
Напряженный, будто бы струна,
И от очертания фигуры —
Даже женской! — страхи пьешь до дна.

Но оно понятно, осторожность,
Даже сверхнормальная — не блажь!
Лучше быть повенчанному с ложью
Чем носить под глазом синий бланш.

И не я один такой, поверьте!
Ждут с опаской все объятья тьмы,
К ночи чаще думаешь о смерти,
Ну а перед смертью все равны.

* * *

Сдал наконец-то! Все так просто, —
В станок печатный книгу сдал,
И вроде стал я выше ростом
И значимее вроде стал.

И мне заметны те улыбки,
С которыми меня встречать
До самой смерти будут сливки
Литературной знати, знать.

Им книга изданная скажет,
Прикажет, если не поймут,
Что я не просто мастер даже
И среди них не лилипут.

А, почитай, колосс Родосский,
Который в очень нужный срок
Не дым пустил от папироски,
А книгу запустил в станок.

* * *

Приготовьте розги для меня,
Да потоньше, чтоб похлеще били
Плоть мою, и даже кровь пустили —
Темную, как после кистеня.

Пусть она восполнится потом —
Светлая, без тени злобы черной.
За язык меня, не черт ли дернул
Петь о розгах, словно о святом?

Но удар любой хоть боль несет —
Он же избавление от боли.
Розги сплав свободы и неволи
И полезны в час любой и год.

Чья рука над плотью вознесет
Это наказание и лекарство.
Розги есть константа, постоянство
Для того, кто кровь дурную пьет.

Понедельник

Себя люблю я очень,
Свою жену и друга,
И Бога, между прочим,
И лютик среди луга.
И правый фланг Госдумы,
И яркую путану,
К тому же Гея втуне,
И, как не странно, маму.
Моя любовь, быть может,
Сплошное извращенье,
Мой век сполна был прожит —
Я умер в воскресенье!

* * *

Усыпила бабка кошку
В ветлечебнице. Она
Так резвилась у окошка,
У раскрытого окна,
Что когда пичуга, свистнув,
Позвала ее к себе,
Кошка прыгнула, повиснув
Камнем рыжим на Судьбе,
На своей. Этаж четвертый
Выжить шанс не предлагал,
И она летела к черту
Вниз, в чернеющий провал.
И удар! И вспышка света,
И хозяйки лик в слезах,
Ветлечебница. И нету
Сожаленья в образах.
Их глаза кошачьей смерти
Факт, увы, не замутит,
Бабка ж этого не стерпит
(уверяю Вас, поверьте),
И от горя в ночь почит.

* * *

Моя любовь, она в горсти
Надежно у меня зажата.
В какой мне дом ее нести,
Какому вверить ее свату?
И кто без страха примет в дар
Ее трепещущую душу
И вложит в грудь свою? И жар
Своей души в нее обрушит!

* * *

Порою недосказанность кричит
О том, что вслух промолвить невозможно,
Лишь потому, что правда станет ложью,
А ложь о том, что Истина — молчит.

И ты лови невысказанность слов
Найтием, и сердца содроганьем,
И дрожью тела — это предсказанье
Для тонких Душ и правильных умов.

Которые, услышав в тишине
Невысказанных мыслей водопады,
Поступят так, как поступать и надо,
А сказанным пренебрегут вполне.

* * *

Прошедшим поколениям — почтенье,
А будущим — и зависть и восторг,
Себе же, по обоим им томленье
И с логикой неистощимый спор.

И там и там хотелось в одночасье
Мне хоть одно мгновенье побывать,
Увиденное с искренним участием
Как самое великое принять.

И всем сказать: «Я был — и есть — и буду!»,
Ни малым словом в этом не соврать,
И пусть в толпе гуляют пересуды
Что разум пошатнулся мой опять.

И что я выдаю за право Бога
Свое недолговечное житье,
И что моя начертана дорога
В один конец — в ничто — в небытие.

* * *

Смотрю и вижу: сквозь грудину
Огонь страстей наружу рвется,
И сладострастная картина
Наитием воссоздается.

Ко мне протянутые руки
И губ твоих на мне касанье,
Каскад волос. О, эти муки
Сиюминутного свиданья

Тебя со мной, меня с тобою!
И наши сладостные вздохи.
Тебе я грудь свою открою
И выпью всю до капли похоть.

И упаду на грудь тугую
Своей седою головою,
И потревожу Бога все —
О, что за ночь была с тобою!

* * *

Гроыхнуло где-то, тучи
Все чернее поползли,
Сверху дождь слезой горючей
Барабанит в грудь земли.
Тяжело рыдает небо,
И над высохшим жнивьем
Пахнет пряностями, хлебом
И жнеца житьем-бытьем.
Пахнет потом сивой клячи,
Тем, что писал в кустик мальчик,
Тем, чем тешились вдвоем,
Поизмокнув в травах влажных
И напившись зелий бражных
В чувстве искреннем своем.

* * *

Дай испить любви мне, краля,
От твоих красот скорей.
Видишь! Звезды ярче стали
И зашелся соловей.
Слышишь, запахи порвали
Мои легкие в куски.
А ты чувствуешь ли, краля,
Как ласкаю я соски,
Те, что благостью налиты
Сладострастьем по краям.
От твоих щедрот убита
Счастьем душенька моя.

* * *

Вырос из дождя забор до неба —
Не пройти его, не перелезть,
Ничего ты от него не требуй,
Ни к чему угрозы или лесть.

Он собой заслон тебе поставил
От вестей и дел — совсем худых.
Дождь — не исключение из правил,
А наоборот — одно из них.

Раз тебя к развязке не пускает
Гибельной — меж мною и тобой.
Только Бог на небесах и знает,
Зло иль Благо дождик проливной.

* * *

Разум мне подсказывает — тише
Нужно реагировать на все.
Ну и пусть другие злобой дышат
И Душа в последний бой зовет.

Приостановись, не поддавайся
Току гнева сквозь твои мозги,
Вне адреналина оставайся,
Склокой серебра не гадь виски.

Так, возможно, буря и утихнет
У тебя в груди — в груди чужой,
И иное чувство, может, вспыхнет
Между визави и меж тобой.

И когда потянутся ладони
К дружке друг — поймешь ты сущность сил:
Зло от своего бессилья стонет,
Мудрый разум все же победил.

* * *

С чего бы мне сегодня плакать —
В Душе спокойно и светло,
И зверь не появлялся алкать
Мое сознание! И стекло
Его дыханием не вспотело.
Так мир прекрасен за окном,
Когда в согласии и тело
С моей Душою заодно.
И я кусаю губы — счастье
Не ходит по миру одно,
Вдруг зверь кровавый в одночасье
Клыками разобьет окно.

* * *

Хочу я вспомнить сказки, на которых
Учился я в былом добру и злу,
И выбирать свой путь среди троп неторных,
И овощей не доверять козлу,

Бояться свиста соловья во кущах
И на лягушек с нежностью смотреть.
Я стрелы мастерил меж дел насущных
И знал, как для Кашея сладить смерть.

И знал лицо Прекрасной Василисы
И Марьюшку-искусницу знавал,
А козликом желал воды напиться,
Чего Аленки голос не давал.

Я ведал и Ягу и Лиходея,
Кикимору и прочую муру,
Так почему ж мне жизнь «жену-злодея»
Подсунула под самое «умру»?

* * *

Меня кремировали нынче.
О боль, какая! Этот жар!
И кости лопались в отличие
От глаз, что обращались в пар.

Мне факт тот сауну напомнил
С наклейкой — «жар костей неймёт»,
Как лазил по полатам комнат
Температурных — мой живот.

И надо ж, ведь огонь могучий
До той поры терзал меня,
Пока не стал я пепла кучей
Средь солнечного блеска дня.

И из печи мой прах сгребают
И тех, кто был здесь до того,
В нефритовую урну, к Раю
Мы все вошли до одного.

Под переборы мрачных звуков
В ладони сунули жены
Сусанина, его правнуков
И чуть меня со стороны.

Она стоически стерпела
Мгновенья передержки душ.
Высь колумбария пропела
Что был, да сплыл, немилый муж.

* * *

Мой потомок дальний, здравствуй!
Оглянись! Мой мир исчез.
Был не столь он голенастым,
Но не глупым — вот те крест.

Мы водили хороводы,
Были падки до идей,
Хоть каких! И неба своды
Помнят тех, кто был злодей.

Я не думаю, что плохо
У тебя в груди, в дому
И что маленькая кроха
Доказательство тому.

И я верю, что осталась
Жить пречистым родником
Песнь любви — чтоб с нею случилось? —
И отечество, и дом.

Не считай меня занудой.
На моем веку не счесть
Войн кровавых, пересудов
Где бытует месть и лесь.

Что тебе я оставляю?
Хоть и немощный, но мир,
Соловья и попугая, всякой всячины до края
И беспомощный эфир.

Где приникшие к радарам
Подневольные сидят
Лейтенанты, и не даром
В шахтах их ракеты спят.

* * *

Я тем велик, что нахожу слова
С людьми, лишенными рассудка,
И слышится мне даже похвала
С небес в любое время суток.

Со мной безумец жестом говорит
И мимикой, и ором, и рычаньем,
Я отвечаю тем, что сердце зрит
В его заботах или же отчаяньи.

Так вместе мы беззлобно и живем:
Не знающий законов жизни, он же —
Который может быть с любым вдвоем
И разделять с ним земляное ложе.

Сомнение

На пригорок я взбираюсь,
Тяжело дыша, не скоро.
В церковь я попасть стараюсь,
В сонмы душ, парящих скорбно.

Мне идти туда мешают
Грех, унынье и гордыня,
Кто проблемы порешает
Там с рожденья и поныне?

Иерей какой поманит
Епитрахилью, знаменьем
Крестным — и грехи оставит
За бортом стихотворенья.

* * *

Я колдовал в лесу — на сон-траве,
На тайных кореньях и на полыни,
На высохшей змеиной голове
Обрядом, что от века и поныне.
Его еще мой прадед применял —
Корову извести, сгубить свинью ли...
Но сделал непоправное — отнял
У друга своего невесту Юлю.
Они прожили дружно и легко;
Он изводил коров — у них же лилось
И ведрами парное молоко,
И мясо на коптильне в срок томилось.
Минули годы. Вспомнив про обряд,
В лесу его я воскресить пытаюсь,
И пью отвар — кореньев горьких яд
Струится по усам, струя с струей сливаясьсь.
А все из-за красавицы одной,
Которая на дух не переносит
Ни говор мой, ни облик черный мой.
Но кто ее желания-то спросит?..

* * *

Нечего страдать по прожитому,
Ведь что было, то уже прошло;
И томиться по всему святому,
Что к тебе спешит, но не пришло;

И слепить глаза свои слезами
Слова безутешного — беда!
Лучше посидеть под образами,
Где стоит крещенская вода.

Лучше в тишине погрызть просвиру,
Лучше обратиться мыслью вдаль,
И подумать крепко, чем бы миру
Угодить, прощаясь с ним, как встарь.

* * *

Родник неправильным был. Бил
Он не в низине, а на горке,
И воды светлые струил
В прикрученное в сток ведерко.
И кто хотел к нему идти
Испить земли святую силу,
Крестились все на том пути,
А подойдя, поклоны били.
Тихонько истекал и в зной
И в лютый холод этот пламень,
И кто дружил с его водой,
Всегда хранил о светлом память.
И дома разжигая огонь
И старый чайник ставя на печь,
Сначала воду лил в ладонь
И пил — и у земли *не тронь*, —
Просил, — *ту воду чернь и накипь!*

* * *

Святую воду пил поэт
И думал, станет он святее.
Но вот прошло уж сколько лет,
Напротив — стал еще грешнее.

Глазами женщин раздевал,
Губами за сосцы их трогал.
Поэт и не подозревал,
Что он в опале был у Бога.

И хоть порою воспевал
В своих стихах как благовесты,
Так и невест, но ночью крал
Он девственность у той невесты.

И плоть свою совокуплял
С той, что «верна» — клялась пред Богом,
За это Бог, бесчинству вняв,
Во ад спустил его дорогу.

* * *

Я словно тот пескарь речной:
На солнце серебрясь боками,
Кричу в воде, но голос мой
Не слышен никому веками.

Как страшна хищной щуки пасть
Крючок с наживкой рыболова,
В любой момент могу пропасть
Я в тихом ужасе, без слова.

А люди, с берега смотря,
Не видят вовсе мне угрозы,
Не чуют страха пескаря,
Не слышат крик его и слезы.

* * *

Как хочется чего-то без подвоха
Заполучить без денег, иль купить,
По правилам поупку ту обмыть
До дури, как последний выпивоха.

И после долго дату помнить ту,
Когда себе ты подарил поупку,
И целый день буянил «без уступку»,
С лица жены смывая красоту.

Я помню это время, как сейчас:
Я примерял к рубашке модный галстук,
Купил, обмыл, а дальше — женин заступ,
И хоть бы кто от трепки меня спас!

* * *

Моя любовь к тебе неоспорима,
О Родина великая моя!
Я малый червь твой, стопы пилигрима
Ко милой роще с трелью соловья.

Я рад бы был твои края измерить
В любой момент и вдоль и поперек,
Но так ты велика, что только верить
На слово можно, в то, что я изрек.

Не выдавший в глаза Камчатки сопок
И в Белом море не студивший стоп,
Я силой духа — рек сибирских ропот,
Уральских гор высокий мудрый лоб,

И яростно ущелья бьющий Терек,
И Волга, что величия полна,
Я камешек Руси — ее я берег,
Куда причалить истина должна.

Своей любовью жив я — удивляясь
Доставшейся от предков красоте,
И быть ее хранителем стараюсь
Сколь хватит сил — на должной высоте.

* * *

Поищи занятие по Душе,
Чтоб оно и радость приносило,
Да и деньги. Чтоб не в шалаше
Жить тебе, а в тереме, да с милой.

Делай дело, радуясь, любя,
С огоньком в глазах и сердце ходком,
Как не смог никто бы до тебя, —
Для себя и для своей молодки.

Пусть тебе запомнится на век
Это чувство неизбывной силы,
Что не только радость приносило
Для тебя — богатый человек!

Игорю Талькову

Добро и зло столкнулись в небе
И образ выткался певца, –
Такой в России еще не был –
В шипах тернового венца.

Пока звучит под небом Лира,
Всю Душу в уши нам вложив,
Погиб он, сотворенье мира
Собой на время одолжив.

Того, что завтра, может, грянет
На наши слабые сердца,
И Игорь нас с тобой помянет,
Узрев в начале след конца.

И вознесет слепые души
В свой осязаемый чертог,
И мы услышим выстрел глуше,
Чем тот, что дал нам слышать Бог.

И сбросив кандалы с запястий
Про «Чистые пруды» споём,
Певец народа, нам на счастье
В веках твой голос не умрёт.

В палате

На моей кровати ночью
Помер тот, кто здесь лежал,
И ему закрыли очи,
Милосердно, между прочим,
Те, кто тоже помощь ждал.
И я лег на неостывший
От покойника матрас.
Протекала сверху крыша
И вода сочилась в таз.
Я ворочался, вздыхая
По его лихой Судьбе –
Форму тела принимая
Мертвеца, во ад стекая,
Корчилась она во мне.

Забытая сказка

Сельцо, забытое людьми,
Заброшенное, почерневшее,
Оно сказала мне: «Иди
Ко мне, в мои объятия грешные!

Забудь свою квартиру, дом
И город пыльный свой и улицу,
Спасибо скажешь мне потом,
Когда в дорогу упакуешься.

Всё то, чем жил и был ты там,
Мечтал, с ума сходил без устали,
И что отштамповал почтамт,
Который на тебя науськали.

Все девы этих городов,
Пытаясь взять себе Любви
От стильных брюк и душных снов,
Но уж никак не сильной воли,

Которую тебе дарю
С любой из изб, и даже курицу,
Свою последнюю зарю,
Назначенную в это утрече».

* * *

По встречной полосе езда опасна —
Возможно столкновение с кем-то в лоб.
А там, канава с грязью, иль сугроб
И Скорой вой и крест, горящий красный.
И надо ли собою рисковать
И теми, кто свою целью движим
По полосе своей? Но тот бесстыжий,
Кому равно, что жить, что умирать,
Но лишь бы доказать себе, что «Я
Могу такое, что никто не сможет»,
И кровью липкой вымывая рожу,
Резон свой блюл, руками в грудь бия.
А там, в кювете, мертвым сном малыш
Уснул от этой, всем ненужной гонки,
И в муках под себя поджав ножонки,
Лежал, как сбитый из рогатки стриж.

Узор жизни

Стежками мелкими усеяна
Канва под нашими ногами,
Вот и постель уже застелена,
И царствует любовь меж нами.

И полнится шажками детскими
Всей шириной своей канва,
И первыми балами светскими
Так изобилует она.

Вдобавок юркими внучатами
И лапами былых собак,
А также кошек с их котятами
И всем, что счесть нельзя никак.

А вот и мой стежок последний,
Кровавый, белою канвой
Спешит войти в свой дом наследный,
Землей пропахший и сосной.

* * *

Господь, храни меня в делах
И в час, когда безделье правит
Свой бал. И мою душу травят
Упреки совести и страх.
За все, что сделал я не так
Или, лентясь, совсем не сделал,
Отправь мое худое тело
В геенну огненную. Прах,
Коль очень нужен он тебе,
Развей над спящею землею,
И вспыхнет яркою звездою
Вина моя в небесной мгле.
Иль та же самая звезда
Светясь, объявит всему миру,
Что я всю жизнь служил Сатиру,
Но в пламени сожглась беда.

* * *

Я тебя люблю, как прежде –
Все на свете позабыв,
И твои целую вежды,
Исполняя все надежды
Словно песенки мотив.

Я тебя забыл, как прежде,
Когда нужно было в срок
Крикнуть так, чтоб всё же реже
Тебя знойный ветер нежил
Всех непройденных дорог.

Я тебя убью, но прежде
Тайну людям сохраню,
Что была ты чистой, свежей
И что, сколько бы я не жил,
Никогда не разлюблю.

* * *

По жизни я не промах. И стрелок
Из моей плоти выковался плотный.
К плечу прижав приклад в кратчайший срок,
Выстреливаю с истинной охотой.
Три гильзы поразбросаны в траве,
Три выстрела, три точных попадания:
Рыдает Вера в скверах по Москве,
Надежда пригорюнилась на зданьях.
И лишь Любовь — бессмертная! — жива
И будет жить от века и поныне,
И плавится под гильзами трава
И пахнет Мирозданием и полынью.

* * *

Господи! Дай мне женщину!
Как Адаму Еву, чтоб та
Православная была, крещенная
И цвела в ней Руси красота.
Чтоб она мне детишек возрастила
И внучат лелеяла что б,
И меня бы за всё простила,
Бросив горстку земли на гроб.

МОЛИТВА

«Помощь в болезненных состояниях,
о своих детях»

Буди милость твоя во веках
На детей моих именах,
На делах их — и чтоб в очах
Благочестья огонь не чах.
Буди милость твоя во веках
На мозолистых их руках,
На седой, словно снег, голове,
Там, где старость и мудрость где.
Буди милость твоя во веках
На юродивых и дураках,
Малоумных по всей земле,
В доброте живущих и зле.
Аминь.

* * *

Идти вперед затылком — хорошо,
Когда глаза под волосами скрыты,
А веки — кожа на затылке, да сытый
На шее рот, что сквозь нее прошел.

А пятки — пальцы чудом обрели,
А сочлененья ног — свои колени.
И ты шагаешь поступью оленьей
За кругом круг по полюсам земли.

И некому кричать тебе — урод!
Ведь ты шагаешь пройденным маршрутом
Того, кто сложен правильно — и рот
Его сетями лести не опутан.

И потому, не зная правды всей,
Идти всегда вперед затылком — славно,
И пяясь пяtko-пальцами исправно,
Не замечать убогости своей.

* * *

Мало в жизни я сделал хорошего —
Чепуха одна, суета,
Ипоганенных чувств крошево.
И живет со мной рядом — не та.

Как солдатик в бою убитый,
Что глаза свои небу открыл
И кричит, бывшей болью повитый:
Не дожил я, недолюбил!

Так и я — как репей колючий,
Всё цепляюсь, не зная, к кому:
То к неверной жене, то к злющей,
То к соседке в моем дому.

* * *

Что будет с нами, друг мой, через годы?
Да что там годы! Завтра — можно ль знать,
Мы пылью жизненных дорог святыя своды
Небес лазурных — будем ли пятнать?

Но есть желанье заглянуть за шторы,
Которыми окончится твой путь,
И вновь увидеть милые просторы
И отхлебнуть суровой правды суть.

И в час полночный — и когда светает,
Вновь испытать прилив нежнейших чувств,
И в счастье впасть, как в обморок впадают,
Как в первый поцелуй любимых уст.

Жара

Объятье губ твоих — испепеляет
Всё, всё, чем в этот миг земля живет:
И загорелый яблока живот,
И пики гор, что медленно, но тают,
И родника веселый говорок,
До срока пожелтевшие осины.
Не лето на дворе, а Осенины —
В пожухших травах корчится цветок.
Но просто так об этом рассуждать
До жути не умно — и бесполезно.
Смотри! — уж кожа на плечах облезла,
Жара стоит, чего уж больше ждать.

* * *

Озлобленность советчик не из лучших —
Она и мозг собой переполняет,
И сердце, что ранимей из ранимых
Считается природой человеческой.
Не клацай керамическим протезом
На всякий неудобный тебе выпад,
Ведь за любым твоим невосприятием
Возможно, закипит не то чтоб злоба,
А ярость, что прольется вместе с кровью
Иль мозгом невинного в зачатье,
В твоей аорте истинного гнева,
Который разорвет одну из истин,
Рожденных все ж, тем самым человеком,
Хоть фактом своего существованья.

* * *

Морозно, солнечно, просторно
Среди безлистных деревьев.
Февраль отсчитывает спорный
Тепла с морозом бой без слов
И, на сегодня, побеждает.
И утверждает, что зима
Не скоро в нас с тобой растает
И будет дерзкою весьма.
И кутается в полушубки
К сему привычный русский люд,
И девки подставляют губки
Парням, что вдруг на них клюют.
И дед, по тропке семенящий
К своей старухе под крыло,
Ругает ветер леденящий
И варежкой трет щеки зло.

* * *

Я сегодня ночью встану
И к иконе припаду,
И в слезах молиться стану
За твою — мою беду,

Что как пологом накрыла
Нас с тобою в оный час.
Помолюсь за то, что было
И что ждет, бесспорно, нас.

Может, небеса и внемлют
Моей искренней мольбе,
И пошлют на грешну землю
Знак твоей — моей судьбе.

И восстанем мы из пепла,
Из горнила этих бед...
Вот и мысль моя окрепла,
И в мольбе — сомнений нет.

**«УЛОЖИ В СТРОФУ
ВСЕ МЫСЛИ»
(2008 — 2009)**

* * *

Волна лизала пеной белой
В зеленой тине старый мол.
На пляже, нежив свое тело,
Я ждал очередной подол.

И взглядом вырвал из цепочки
Вокруг меня снующих баб —
За грудь, за волосы, за мочки
Ушей, ее был выбрать рад.

А солнце нам кадрили плясало
На загорелых животах.
Но этого казалось мало —
Улыбка вкось и вкривь играла
На всем пресыщенных устах.

И только мощною волною
Нептун смог дерзость охладить
Мою, ее — и быть собою
Заставил. И весь мир любить.

* * *

От зла не остается зла,
Когда добром его врачуешь,
И столько отдаешь тепла,
Что холод тьмы уже не чуешь.

И всё вокруг тебя в цвету,
В объятиях добра и неги.
И только где-то на ветру
Зла обитают береги.

Но ты стремись их оборвать
С груди у матушки Вселенной,
Чтобы добра оберегать
Благие, чувственные плены.

И чтоб навеки не пропасть
Советам залежалых истин,
Стремись к добру, чтоб к злобе страсть
Исчезла, словно мрачный мистик.

* * *

Сновиденье подсказало,
Что сегодня быть беде.
И мне сердце облизала
Боль, — с вопросом: в чем и где?

И хожу я, сжатый словно,
Как пружина, что в часах.
И повсюду поголовно
Страх беды — один лишь страх.

Сон мой, что же ты наделал?!
Я на мир сквозь кровь гляжу.
И свое любое дело
Охранять велю ножу.

* * *

Пастораль сыграй мне, пастушок, —
Так слушать музыку приятно,
Иль вслух зачитывать стишок,
Такой красивый и понятный

Тому, кто слышал пастораль
И эти сказочные рифмы.
Таких, по правде, нынче жаль,
И мыслей, и поступков ихних.

Когда по Реквиему час
Пробил и по всему, что тленно,
То крылья обломал Пегас
О рифмы злобы откровенной.

Жаль пастушка, что пастораль
Свою, увы, не доиграет.
Ведь бык ему кадык ломает,
А рай отметит рифмой — жаль!..

* * *

В неясный день такого-то числа
И месяца, которого не помню,
Цвела природа, или не цвела —
Но дух весны стоял в просторах комнат.

И радость в сердце гнездышко свила,
И думы о высоком все роились,
Покуда не возникли вдруг дела,
Которые на время удалились.

И понял я, хоть ходит вокруг весна
Моих надежд и помыслов отчаянных,
Но там за дверью все в объятьях сна
И помыслы мои, увы, случайны.

Поэтому неясен этот день
Доподлинно и месяц неизвестен,
А если и мелькнула где-то тень
Весенних тем — всему виною Мессинг.

* * *

Сидит забитый мужичонка
На кухне, где семья сидит,
И мама рыжего котенка,
И пес, покой который бдит.

Вот в этой самой комнатенке,
Где шесть квадратов и на всех —
И на семью, и на котенка,
На святость и на смертный грех.

И думы низкий лоб буравят
Невзрачного, но мужика,
Кто их семьей по праву правит:
Его, иль женская рука?

И почему стопарь сивухи
Ему опасно пить сейчас,
Когда следит за ним «старуха»
И пса настороженный глаз.

И он стакан отодвигает,
Меж зол стараясь выбирать,
Гораздо меньшее. И лает
Пес, приготовившийся жрать.

* * *

Над старым пианино свесил
С портрета дед свой умный взгляд.
И этот взгляд был так невесел
Все дни, до донышка, подряд.

Морщины лбом его бежали
Седые дыбились виски,
И губы тайны жизни сжали
В углах, как мощные тиски.

И борода, как снег, белела
Над красным льном его одежд,
И мелом вычертила смело
Конец желаний и надежд.

И потому смотрел уныло
Он на костяшки клавиш, чтоб
Когда играл я — сердце стыло
И сеть морщин взрезала лоб.

* * *

Уложи в строфу все мысли,
Разум изощренный мой,
Чтоб они навек зависли
В памяти по кличу: «Стой!».
Чтобы мне не стыдно было
И чтоб слово не остыло
В строках, выведенных мной.

* * *

Воздух стеклянно-прозрачный,
Город в садах, словно в сказке,
Свора собачья — в брачном
Раже, не терпит ласки,
Ни от руки дающей
И не сжимающей палки.
Город в цвету худющем,
В мрачных аллеях парка.
Пятки поранит Лето
Этой весне пропащей,
Воздух прозрачный едок,
Торфяниками чадящими.
Сука грызет чужого
Рыжего, с белым подпалом.
Что же ты мне такого
Лето, сулишь с началом?!

* * *

По велению сердца и ради
Из того вытекающих дел,
Я пишу неустанно в тетради
И письмом заполняю пробел.

В моей хватке, не очень-то хваткой
По не мудрому слогу письма,
Тот пробел даже в Божьей тетрадке
Всем бесспорно заметен весьма.

Но ведь я по велению сердца
Дел непознанных маету
Растираю, как полотенцем,
Что слезились в горячем поту.

А чего не писать? — даже странно,
И каких еще надобно дел,
Мне, чтецу псалтыря и Корана
И писцу, что штрихует пробел?

* * *

Звери не только с клыками
И когтями губительными
В чащобах живут под пнями,
Яростные и отвратительные.

Они себе ищут пару
Строят гнездо иль логово,
И защищают старые
Малого или убогого.

И обучают повадкам
Поросль, себе на смену,
Но точно — не знают сладкой
Привычки вскрывать себе вены.

А также знают: беспечность
Не может быть оправданием,
Перед лицом человечества
И более — мироздания.

Даже клыки имея
И беспощадные когти,
Мышцы зверей немеют,
Чуткие уши глохнут.

Слепнут глаза — инстинктам
Сложно не подчиняться,
И звери с предсмертным тиком
Под выстрелами ложатся.

Надежда

Душа трепещет от стенанья:
Последний раз поцеловал
Ее, кто был мне оправданьем
От всех невзгод, что я познал.
И вот моя защита пала
На два колена, — и себе
Не жду спасенья от напалма
Безумных выкриков: «Плебей!»
И что с того, что слог мой красен
И нет укора жизни всей —
Та, для кого я стал прекрасен,
Не слышит выкриков: «Плебей!»

* * *

Два флага на избе висели
Под стрехами, на двух углах,
Для красных и для белых — с целью
Со всеми быть не во врагах.
Случилось так, что запылали
С концов обоих, два угла,
Одни *оттуда* наступали
Другие — двигались *туда*.

* * *

Последний день перед Постом
Великим. Без чревоугодий
Мы будем мыслью жить о том,
Что все прискорбное проходит.

И Пасха, словно первоцвет
Сквозь снеги хлипкие проглянет,
И к нам под кров, как Горний свет
Придет — и все прекрасным станет.

И ты, и я и все вокруг, —
Для этого есть смысл трудиться,
Ни жен не трогать, ни подруг
И полной мерою поститься.

* * *

Владей без страха тем,
Что Бог тебе послал,
Не избегая тем,
Кем был ты и кем стал.
Лампада у икон,
Твоя свеча в пространстве,
И твердый твой закон
Добра и постоянства.
А кем ты был и стал,
Пускай рассудят люди.
Тебя Господь искал,
Нашел и крепко любит.

* * *

Вчера, в лесу, я видел чудо
Не лучшее из всех чудес:
Как в никуда и ниоткуда
Сквозь чащу мальчик голый лез.
За ним тянулись чьи-то руки
И окликали голоса,
Но лез мертвец — и маска муки
Застыла на чертах лица.
И чащи молча открывали
Ему свободную тропу
Туда, где он незряче дали
Предчувствовал. И радость ту,
Которая навек прибудет
К нему в загадочном пути.
Но оглянулся он, о, люди!
И бросил мне: «Отец, прости!»

* * *

Корни деревьев не пьют еще влаги,
Вешней, хмельной воды,
Но в предвкушеньи тепла — по бумаге
Снега, проталин следы.

Кошки брачуются, рыщут своры
Свадебные — собак,
И меж людьми возникают споры,
Скоро ль весна или как?

Март шелапутный по улицам бродит,
Всем намекая на то,
Что в эту пору с ума не сходит
Разве что только святой.

Лепит рукой с накладными ногтями
Девочка в шутку снежки,
И согревает пальцы губами,
Под взрослых подружек смешки.

* * *

Детей своих не научи
Тому, что есть в тебе плохого,
И то, что вызнали врачи
И ад поведал — не святого.
Не научи их горе знать,
А лучше — обходить изъяны
Всех, всех мастей и слово Мать
Не пачкать словом окаянным.
Не научи их быть врагом
Хоть одного из всех живущих,
В ученье этом дорогом
Рай даст тебе объятья кущей.

* * *

Конечно, что со мною было,
Наверно, было не со мной.
Печаль виски мои сдавила
Своей железною рукой.

И пальцы расцепить стараясь
Когтистой хватки, понял я,
Что надо мною издевалась,
Смеясь в лицо — печаль моя.

И не придет ко сроку помощь
Ни от кого, чтобы спасти
Меня от зла ее, я овощ
Для нужды, чтоб печаль взрастить.

Ее окрепшую, без риска
Другому в руки передать,
И уж казалось это близким,
Но Бог помог мне сильным стать.

И я, беззлобно улыбаясь,
Печаль свою в себе душил,
И, новой жизнью восторгаясь,
Дела прекрасные вершил.

К юбилею Симона Мамяна

Сегодня день такой погожий
Разливом солнца осиян,
Назад полвека благом Божьим
Пришел на свет Симон Мамян.

Летели дни, года крепчали,
Лелеяла ребенка мать,
Но мы с тобою повстречались
На цифре — девяносто пять.

И сразу сердцем полюбили
За доброту, за свет тепла,
За Душу с чудной южной силой,
Что всем сплотиться помогла.

Прими поклон земной, мы верим,
Что жизнь, на радость глуховчан,
Лет пятьдесят тебе отмерит,
Симон Сергеевич Мамян!

* * *

Зарубка на стволе зияла,
Как рана на груди бойца,
И сладким соком истекала
По глади белого листа
Ствола березы. Как не плакать
По этой участи ее,
Когда нетрезво будет лапать,
Сок испивая до краев,
Какой-нибудь алкаш безмозглый,
Пропивший стыд, — сломавший жизнь
Себе и дереву — бесспорно,
Без всяких теней уккоризн.

* * *

Нынче деньги я потрачу
До копейки, до нуля,
И от горя не заплачу,
Всех на свете в том вина.

Не на водку, не на бабу
Не в рулетку в казино,
Для того, чтоб выжить дабы
После морока всех снов.

Я отдал в притворе храма
Все юродивому — враз,
Когда мне кивнула мама,
Из-под купола, где прямо
Божий сын смотрел на нас.

* * *

Я купил ноутбук — это дивное диво —
Сам размером в две книжки. И столько ума!
Даже в тряске автобусной пишет красиво
И еще с орфографией дружен сполна.

Что хочешь, создаст, подчеркнет и запомнит,
Чтобы в нужный момент, глядя на монитор,
Ты узнал свои мысли и чувства, по полной
Пережил за секунды былого повтор.

А потом, очевидные сгладив огрехи,
Смело можно представить, как лягут в раздел
Новой книги тобой пережитого вехи
И итоги тобою проделанных дел.

* * *

Садитесь, пан вельможный,
Вот Вам мой табурет.
У Вас ведь есть возможность
Ждать — у меня же нет.
Зацокали копыта
Каурых за окном,
У пана плешь покрыта
Папахою с сукном.
А у меня вихрами
Нечесаными, в смоль,
Да дружки с топорами.
Присядь-ка, пан, изволь.

Горе скромнее радости:
В черные платья рядясь,
С самой своей младости
Ходит, на храмы крестясь.

Целую жизнь, пока волосы,
Не забелит седина.
Горе, оно полосами,
Оно океан до дна.

Радость же на поверхности
В улыбке разверзла пасть,
И под хмельком для верности
Жизни вкушает сласть.

Все в ней кричит о празднике,
Что с вакханалией схож.
Радость, она проказница,
Горе скромнее все ж.

Принимайте гостей, даже если звучит неприятье
В ваших душах о них — мол, «незванные хуже татар» —
И оденьте для них свои лучшие платья,
И разлейте по рюмкам хмельного нектар.
Принимайте их с радостью, хуже не будет
И ни вам и ни им, через тысячи всяких вестей,
Кто-то вспомнит хорошее, кто-то злое забудет.
Будьте рады всему, принимайте гостей.

Взошёл на небе месяц, как секира
И остр, и окровавлен, и страшен.
И смерть свой надевает капюшон
На череп, мановением факира.
Я прижимаюсь к маленькой груди,
Кормящей Иисуса Магдалины,
Но смерть растёт! Подобьем исполина
Фаланги кисти машут мне – приди!
И я приду, и голову склоню,
Под хруст хрящей убийственной секиры.
Я отдаю себя — тебе и миру
И всем грехам прощенье отмолю.

Одышка грудь сдавила лапой
Неимоверной силы, так,
Что, задохнувшись, градом капель
Из слез мой вымочен пиджак.
Глаза, орбиты покидая,
Бесцеремонно лезли вон.
«К чему судьбина мне такая?», —
Сорвался с губ хрипящий стон.
И проглотив эуфиллина
Таблетку, с горем пополам,
Вздыхнул я вздохом исполина,
И плотно к форточке припал.
И слышу, лапа разжимает
Грудь предательский захват,
И кто-то здоровья мне желает,
И я кому-то очень рад.

* * *

Утро кошачьей походкой
В спальню мою крадется,
И на груди молодки
В день вызревать остается.
Как же она красива
В свете зари восходящей,
Волос косматой гривой
Лик обрамляет спящий.
Сквозь кисею занавески
Взгляд за окно устремился,
Туда, где узорной фреской
Каждый листок засветился.
Как же оно прекрасно,
Это хмельное утро,
Видимо, не напрасно —
«Все, что с утра, то мудро».

* * *

А небо — лучик уронило
Из-за разрыва облаков,
На то, что было сердцу мило
Любому в толще всех веков.

И заиграл он в травах росных,
И в капле пота у косца,
На мокрых мачтах пышных сосен,
В глазах девичьего лица.

Пронзая грудь, к больному сердцу,
Луч устремился, зло поправ,
И птицы вскрикнули на «скерцо»,
Луча восславив дивный нрав.

ЭХО АФГАНИСТАНА (1999 — 2009)

«Никто из нас толком не может объяснить, было то время хорошим или плохим. Просто оно БЫЛО. С одного из наших выпускников сначала сорвали погоны офицера, а затем наградили и повысили в звании. Другой покончил с собой. Третий — умер от переполнивших его эмоций при присвоении звания генерала. И всё это мы, а за нами — война».

Анатолий Алейчик

Стрелок

В пыли, за камнем придорожным,
Содвинув каску набекрень,
Винтовки дуло осторожно
Вперед продвинув, словно тень,

В тепло земли вжимая тело,
Он выжидает нужный срок,
Чтоб пуля в цель попасть сумела,
Под плавно спущенный курок.

И он без страха, без подмоги
Охотник, льющий жизни сок,
Которому лишь в помощь Боги,
И «божьей милостью» — стрелок.

В прицел винтовки «Драгунова»
Он видит цель, она близка,
И затаив дыханье, снова
Бьет в грудь, у левого соска.

Один лишь выстрел, и в дорогу —
Как ящерица, как змея,
От камня к кочке, дальше к стогу,
Врагов без промаха разя.

Винтовка Божьей карой стала,
Грозил вспышкой огня
Залить всю землю кровью алой,
Стрелка ни сколько не вина.

Горящий глаз припал к прицелу...
И в этот самый важный срок
Прошла агония по телу, —
Быстрее был вражеский стрелок.

Отпущение греха

День прекрасный, в тенечке за двадцать,
Все по-летнему блещет, поет,
Только там, в Гудермесе, по рации
Вызывает дозор вертолет.

Чтобы снайпера сбросить с высоты
(Невозможно поднять головы).
Лик бойца с выражением кротким,
Слово смерть средь высокой травы.

Каждый знал его в этом дозоре,
Нрав смиренен, совсем не к войне,
И глаза — словно небо и море —
Подтверждали достоинства те.

Он по жизни искал пониманье,
И любил всех и жизни ценил,
И войну эту как покаянье
Принимал и со Господом жил.

Раскрывая мечту золотую
И души своей светлую ширь,
Говорил: «Вот когда отвоюю,
Я послушником, в монастырь!»

Но за камнем, вверху, над дозором,
Смуглолицый чеченец лежал,
Он Аллаху служил, и позором,
Пост оставить неверным считал,

Сверху видно все зоркому глазу,
Выстрел — смерть! — да поможет Аллах,
Был убит первым выстрелом сразу,
Светлый росич в двух сотнях шагах.

Чисты помыслы снайпера, верьте,
Еще с ночи лежал он в траве,
Он один, не боящийся смерти,
А в былом — выпускник Медресе.

Вертолеты уже на подлете,
Залп ракетный, и снайпера нет.
Только лик убиенного, кроткий,
Отпускал мусульманину грех.

* * *

Беспечного отца беспечный сын,
Я, как и он, всем на слово поверю,
Что есть закон, и он для всех един,
Как аварийный люк, и запасные двери.

И ни при чем здесь строевой ранжир,
Пред ним едины в росте, весе, чине,
И если ты всего лишь пассажир
Автобуса... и враг «чеченской» mine.

Порядок, он один, наверняка,
Кто побывал под пулями «душманов»,
Тот едет по бесплатному, пока,
Закон не теребит его карманов.

А как же мой подбитый БТР,
В котором я контужен был под Прагой?
Я пассажир на фронтовой манер,
Не наделенный льготною бумагой.

Был волен жизнь разменивать за так,
За доблесть, честь, патриотизм, отвагу!
А после — вечно в снах кошмарных враг,
Глумясь, за раны предлагал «бумагу».

Мол, в ней тебе и помощь и уют,
Квартиры, дачи, в собственность машину,
Но я-то знаю, что меня убьют
Болезнь и голода скалистые вершины.

И он, Закон, передо мною чист
(Мол, понимаю я его превратно),
И обгравив горячей кровью лист,
В том споре точкой — выстрел неотвратный!

Памяти Р. Д.

Салам, Руслан! Мне только и осталось
С тобой отождествлять Афганистан.
Тебя уж нет, но память не устала
Все то, что было, доверять устам.

Моей Душе близка твоя натура,
Что все вмещала: Радость, Слезы, Боль,
И как животворящая микстура
Надежно исполняла свою роль.

Я вспоминаю жизнью обделенных,
Что в инвалидном доме кров нашли,
Которых ты, войною опаленных,
Поддерживал на кровные шиши.

Стихи писал, и песни пел такие,
Что расправлялись плечи, взгляд горел,
Им виделись дороги фронтовые,
И каждый был здоров, силен и смел.

А мне ль забыть ту радость, что вскипела
Во мне, как в домне будущая сталь,
Когда на пиджаке моем зардела
Тобою прикрепленная медаль.

И ты не выпал в памяти из строя,
С дозором вышел в вечность на Баграм!
Как жаль, что разминулись мы с тобою,
А потому прощай, мой друг Руслан.

* * *

И все же я считаю: воевал —
Так, значит, убивал, того не зная,
В какую цель сейчас снаряд попал,
И что он в клочья рвет, уничтожая.

И танковую пушку наводя
(Когда стоит жара смертельно злая)
В ту точку, где свинцовая струя,
Спешит к тебе, тебя убить желая.

Но скорый залп смешает карты тех,
Кто целится в тебя, того не зная,
Что буду помнить весь свой грешный век
Ту скорость (ведь жара была какая).

И я не видел, что отбросил взрыв,
Обломки скал, иль плоть уж не живую.
Танк полз в укрытие, мотора рык,
Все заглушив, пел песню роковую.

А там лежал — еще живой узбек,
И он кричал в неслышащие горы,
И призывал Аллаха — человек
Не так умрет, без высшего надзора.

И только повернуться я успел
В ту сторону, как сбит осколком минным,
И оглушенный, я лежал как мел,
И день стекал в песок, сырой и длинный.

* * *

Когда я тело прятал в скалах
От озверевшего душмана,
Его звериного оскала,
И пуля, что меня искала,
В полет рванувшись из рожка,
Чтобы сраженным в поле брани
Упал я! Не победы ради
Своей! А лишь его божка.

И я, как глупый пингвин, прячу
Худое тело, где придется,
И бой винтовки «Драгунова».
Отрывист, точен, как всегда.
И слышу — мина рядом рвется,
Вот и мое услышал слово
Средь ужасающего грома
Их Бог правдивый иногда.

И делать некогда зарубки
На желтом дереве приклада, —
Все ближе видятся тюрбаны,
И пули как осиный рой
Свистят у влажного «бандана»,
И день становится пространным
И безразмерным сам собой.

Но вот в расщелину ввалилось
Немытое сухое тело.
В руке блеснула сталь кинжала
И огрызнулся мой «ПМ».

Свершилось начатое дело,
Которое минуты длилось,
Звезда душмана закатилась,
Когда в разгаре знойный день,
И «Шурави, сдавайся!» — кличут,
Штыками АКаэмов тычут,
И смерть волчицей рядом рыщет.
Кольцо. Чека. Во взводе — вычет.

* * *

Мои чувства — они опоганены
Злобным ерничеством мужика:
Мол, сиди ты, седая развалина,
Недостойная кулака!

А весь спор за проезд без оплаты.
Мне, как бывшему на войне,
Зафрахтована жизнью плацкарта
За свинец, что застрял в голове.

Ну а он, раскоряжистый парень,
Не водила, а просто лихач,
Он, любимец девиц и сударынь,
Смутно слышал про слово «басмач».

Но вчера вывод войск из Афгана
Я встречал среди бесстрашных мужей.
Пили водку за Души братанов,
Что легли от душманских ножей.

Голова закружилась от гнева,
Захлебнулась Душа по края
Как бы парень коряжист тот не был,
Победит его финка моя.

Но вчера вывод войск из Афгана
Я как мужества праздник встречал,
И с геройской звездой капитана
Я, полковник, братком величал.

* * *

Был тяжек сон мой в эту ночь —
Такое увидеть не часто
Я мог! И стремился я прочь
От игрищ судьбы безучастной,

Мне виделось: тенью за мной
Бежали безмолвные люди
И мой бередили покой
Беззвучными криками «Любим!»

Кого? Там одни мужики,
Кокотки и транссексуалы,
И бритвой опасной они
Грозили щекам моим впалым,

И все ревновали. К кому?!
К жене, что осталась в кровати,
Иль к жизни! Ведь, право, живу
Ошибочно я и некстати.

Мой труп должен там истлевать,
Где я подорвался на mine,
Но жив я остался опять,
Объятия смерти не приняв.

И эти вот сны для того,
Чтоб помнил я тех, кто оттуда,
Не мог получить своего
Желанного, грешного блуда.

И утром в поту пробудясь,
Чеку закрепляя в гранате,
Услышал, как крикнула: «Мразь!» —
Жена в полурваном халате.

И слезы ее и нужда,
Так в жизни своей обретаться,
Но я нападения ждал
И мог вместе с нею взорваться.

* * *

Он избран народом, он — твой депутат,
И все твои боли до солнца поднимет
И преувеличит их в несколько крат.
Их только, возможно, слепой не увидит,

Их только глухой не услышать бы смог,
Ведь твой депутат — так кричит в исступленьи,
Что кто-то обязан вернуть тебе долг
За боли, контузию или ранения,

Центральному банку вменяет в вину
Им аннулированные сбережения,
А Минобороны — то, что войну
В Афгане с победы низвел в поражение.

И лишь победителей нельзя судить,
Известна давно поговорка такая,
А коль все не так, то придется платить!
У нищих и сирых, рубли отнимая...

Но бархатный голос от крика охрип,
И в хоре таких же едва узнаваем.
И вот уже в кресле своем он храпит,
И что ему снится! Увы — мы не знаем!

* * *

Собираю я патроны,
Чищу тряпкой пистолет,
Он трофей — и мне законный,
Хоть *бумаг законных* — нет.

Я его в бою руками
Вырвал вон из вражьих рук,
Но упал — в ключицу ранен,
И не испытал испуг,

Когда тощий, бородатый
На меня нацелил нож.
Мой трофей — он мне за брата!
Нас так просто не возьмешь, —

Дуло уперев в трахею,
Спусковой крючок нажав,
Был уверен, что успею
За мгновенье до ножа.

Он упал, полы халата
На мое лицо — как тень
Пали! Я вслепую лапал
Теплокровную мишень,

А ко мне уже подмога,
Мат такой, что меркнет свет,
Комполка, от крови вздрогнув,
Отчеканил зло и строго:

«Пусть оставит пистолет».
И теперь его я чищу
Раз в неделю! Но не смей
Донести тому, кто ищет
Огнестрелку! Он — трофей!

* * *

Не надо брать от жизни то,
Что не тебе предназначалось,
Жизнь так сурова и притом,
Ее черда — такая малость.

А ты пытаешься украсть
И этим подарить бессмертье
Себе! Так низко может пасть
Лишь тугодум на этом свете.

Она сама предложит то,
Что для тебя предназначалось,
Смерть! С кем на выжженном плато
В Афганистане повенчалась,

Средь белых стен госпиталей
(Коль выживешь ты в этом пекле),
И череду безмолвья дней
Сомненья в вере! — И не грех ли

Тебе искать судьбы иной
Путем обмана, подтасовок?
Прожить свою сполна сумей
Среди бесчисленных массовок,

Что как в кино, за кадром кадр
В реальности воспринимаешь.
Ведь опыт твой — бесценный дар
Которым ты располагаешь.

И вряд ли захотел бы путь
Ты без ухабин, ровный, гладкий.
Тебе б желалось как-нибудь
Схватить у жизни мертвой хваткой

Плато! Где слились смерть и зной
Войны суровой, беспощадной,
В которой ты полуживой —
До жизни той безумно жадный.

* * *

О, эти муки перед дверью,
Где дремлет психотерапевт,
Но я ему обязан верить
До завершенья моих лет!

Меня к нему синдром *афганский*,
Схватив за горло, приволок,
И верить я пытался в сказки,
Что вызубрю его урок

И буду формулы покоя
До одуренья повторять.
Легко мне дышится, не скрою,
И хочется премного спать.

Но только сон меня пометил,
Своей печатью — Слышу взрыв!
Диск солнца адским жаром светел,
Скатился со скалы в обрыв

И вижу: движутся турбаны,
Улавливаю речь *пушту*,
Удар, контузия, — наганом
Отстреливаюсь, весь в поту.

Я понимаю — всюду «духи»!
Живым остаться шансов нет...
И горло сдавливают руки —
Хрипит в них психотерапевт.

* * *

В пылу не шуточных баталий,
Я выжил! Чередой потерь
Осколками смертельной стали
Мне приоткрыла в вечность дверь.

Теперь я вижу все иначе,
Чем раньше мог я видеть то:
Как женщина о сыне плачет,
Что пал, на выжженном плато,

Как над крестом молодка стонет,
И свежий холм кропит слезой.
И иерей с кадилом ходит
Вокруг, служа за упокой.

И свисло свадебное платье,
С усталых плечиков в дому,
Где дева в бедственных объятьях,
По суженному своему.

И слышу злые звуки боя
И крик предсмертный — всех солдат,
Что, не желая, к мукам горя
Родных своих приговорят

Навечно! Как себя навечно
В число потерь определяют
И звездной пылью в вечный, млечный
Путь навсегда они взлетят!

* * *

Была одна, была единая,
Была бескрайняя и сильная,
Под красным флагом со звездой
Страна единая со мной:

С моими дерзкими мечтаньями,
И достижениями и тайнами,
Афганской проклятой войной —
Моя страна была со мной.

Сейчас она уже не та.
На положении скота
Я подвизался в этом мире,
В зачем то купленной квартире,
А не полученной по льготе
За два раненья на работе, —
Точнее, службе офицерской.
И кажется она мне мерзкой,
В циничном и мишурном блеске,
Как та певичка Анне Вески,
Акцент скрывающая резкий.

И страшно мне. Под Кандагаром
Меня душман клинка ударом
На одр смертельный положил,
Но все же я ожил, ожил
И взглядом дальним узнаю,
Что не хвалу тебе пою,
Моя страна без любимых!

Хулю благополучий мнимых
Полуголодный сброд бомжей.
Он тоже результат ножей —
Чиновничьих или бандитских.
Конец сему, увы не близкий,
И нувориш, копя в карман,
Сулит клинок мне, как душман.

Ассоциации

Я тебя так часто вспоминаю,
Солнцем опаленная земля,
Где лежал я, кровью истекая,
Роком низведенный до нуля,

До не реагирующей плоти
На крикливый боя разговор,
Где старуха-смерть в своей работе
Равносильна выстрелу в упор.

И не знал я, что меня коснуться
Смерть смогла, но тут же отвлеклась.
Я лежал, а из ушей как с блюдца
Через край на камни кровь лилась,

Взгляд незрячий застлан пеленою,
На груди разорван камуфляж.
Догорало небо над страной,
Где Кабул его незримый страж.

Так и не пришедшего в сознание,
Борт «вертушки» принял в срок меня,
Без погон, почти в загробном званье,
В небо унеслась Душа звеня.

Так в ушах в периоды контузий
Все стоит он, этот жуткий звон,
И сознание из кусков иллюзий
С кем-то продолжало разговор.

И когда просвечивалась память
Сквозь безумный бред моей Беды,
Я врача старался чем-то ранить
Острым в шею возле бороды.

Все в былом. Но все же вспоминаю
Вспышку света, над чужой землей.
Может быть, Америку спасая,
Я тогда прикрыл Нью-Йорк собой.

* * *

Я испытывал терпенье,
Не твое, а всех — собой!
Предлагал стихотворенья,
Те, что разум выдал мой

Понимая! Для понятия
Моих строк резона нет —
Кто слезу прольет на платье,
В пересчете моих бед?

И кому мой скепсис нужен?
Каждый хочет только жить,
А мой крик совсем недужен.
И ненужным может слыть.

Лучше светлая палитра,
Чем черней чернил тона,
Лучше храм, молитва, митра,
А не Бес и Сатана.

И за это я прощенье
Век просить себе готов,
Но ведь был Афган! Раненье! —
В оправданье моих слов,

Моих снов (реалиям вашим),
Черным, рвущим в клочья слух.
Я себе бываю *страшен*,
Мой меня хулящий друг!

И не враз перемениться
Мне представится предлог,
И все также будет сниться
Бой! И мой последний вдох.

Я опять твоё терпенье
Своим стоном испытал,
В том кошмарном сновиденье,
За тебя я жизнь отдал!

* * *

Что мне делать? Хоть ты, юный друг, подскажи!
Мое тело кромсали душманов ножи,
Мою веру христианскую сурами жгли.
И из глаз моих слезы соленые шли,

По небритым щекам, к опаленной земле,
Что стремилась давно хоть к какой то воде,
Что стонала от взрывов и знала, что боль
Порождает в итоге иль кровь, или соль.

Иерея я жаждал. Но был мне мулла,
Тот, который твердил мне: Аллаху хвала,
Ты останешься жить! Семь на выбор невест
Он тебе подарил — и сорвал с меня крест.

Впал я в ярость, в которую мог только впасть,
И хотел на муллу для убийства напасть,
Только раны мои остудили меня,
Что пылали на теле подобьем огня.

Я без силы упал и сколь чувствовать мог,
Слышал ребрами шквал обезумевших ног.
И, наверное, я в бессознательность впал,
Потому что рассвет над горой увидал,

И разбросанных тел золотились бока.
Значит, бог сохранил меня близким, пока.
Что мне делать, хоть ты, юный друг, подскажи?
Ведь в России опять засверкали ножи,

И твой срок воевать, но твоей ли мечте,
Соответствует сгинуть в жестокой Чечне?
Может, глас Христианина слышит Аллах,
И мгновенно заклинит патроны в стволах,

И тебе не придется, как мне умирать,
В грудь свинец принимая, за Родину-мать.
Но поверь, ошибаться я слишком уж стар, —
И ты тоже услышишь: «Аллах Акбар»!

* * *

Ты плачешь над собой, калека,
Иль надо мной? Да будет так,
Мы плакальщики злого века,
Что слезы выбивать мастак,

Из всех, кого ножом коснулся
Тот самый двадцать первый век,
А кто-то навсегда замкнулся
В себе! Убогий человек,

Любой молчащего считает.
Да даже я, что век другой,
Прошедший, тоже обвиняю,
С его Афганскою войной.

По сути, как они похожи,
Все войны всех лихих веков:
Везде гортань, что взрезал ножик,
Оскалы белых черепов,

Ну и, конечно же — калеки,
Без рук, без ног, и без души,
«Синдром» рассудок их пометил,
Тот, что без страха смерть вершит.

Так крепче за руки возьмемся,
Братаны! Даже если нет
Руки, зубами в плоть вопьемся
Товарища по сонму бед,

И прокричим, или простонем,
Любым ножам наперекор, —
Из нас любой вести достоин,
С любой войной предметный спор!

* * *

Твоя рука, как пух лебяжий,
Коснулась вдруг руки моей,
Что пулей меченная вражьей
И жалом резана ножей.

На ней рубцов, ушибов, ссадин
За жизнь немало набралось.
Твоя рука — не смеха ль ради
Перстами целовала кость,

Мне перебитую душманом
Прикладом каменным АК!
Я помню, как ласкала мамы
Ту боль целебная рука.

Но верь, твои прикосновенья
Намного слаще для меня.
В душе моей зажглось свечение
Неистребимого огня.

О как прекрасно это чувство,
Как легок пух лебяжьих крыл.
Так врачевать! Тебе искусство
Наверно Ангел подарил.

И я лечу к вершинам Рая
Тебя зову с собой вослед,
Нам, в синеве поступков тая,
Летать до края дней и лет.

* * *

И каждый день одно и то же
И время вспять не побежит, —
Бегу лишь Я, в тот век, что прожит
И камнем на сердце лежит.

И все стремлюсь я к водам Пянджа,
В былое навожу мосты,
И мне тюрбаны и паранджы
Попутчики на те версты,

Что я иду до Кандагара,
А после вглубь Афганских гор,
Где ждет меня волна удара
Душманской линии; в упор

Смертельный выхлоп автоматов,
Свинец, прошивший мне плечо.
Я без сознания на плато
Упав, был на смерть обречен.

И целовал я молча камни,
И пена розовая с губ
Студила ею жаркий пламень,
Стекающая струйкой на уступ.

Но Бог меня не зря приметил,
Как мог, воздал по вере мне,
Оставив жить на белом свете
С воспоминаньем о войне.

И каждый день одно и тоже:
Бегу в тот век, что прожил Я.
И вовсе не в «Афган»! А может,
Туда, где зверствует Чечня!

* * *

Боль в затылок ударяла,
Боль сверлила мне виски,
В клетке я сидел. Стояла
Стража, руки опустив.

Я, контуженный в Афгане,
Операми бит в СИЗО.
Суд идет! Вокруг все встали.
Молча принял я позор —

Десять лет, за то, что где-то
На разборках был убит
Неопознанным кастетом
Многоденежный семит.

Деньги нужно отработать
Не сегодня, а вчера:
Били долго и до рвоты
Молодые «опера».

Там, где надо, протоколы
Полумертвым подписал, —
Десять лет! Почти что в школу
Я на старости попал.

Что бояться: будто хуже,
Чем я видел, в жизни есть —
Солнца жар, ночная стужа,
Пули, кровь, ни встать, ни лечь...

За железные запоры
Затолкали — лязг и... тишь
А ко мне, как волки, воры,
Кличут ласково — «Малыш!»,

И глаза сверкают страстью
Обладать! И этим жить,
И вонючей дышат «пастью»,
И желают «опустить».

Мой позор не в долгом сроке,
Догадался сразу я, —
В унижительном уроке
«Извращенцев Бытия».

Нету силы защищаться:
Я как нищий хил и гол.
Стал я с силой ударяться
Головой в бетонный пол.

Все! Как вспышка на экране,
А потом посмертный мрак —
Будто я погиб в Афгане,
Будто горло взрезал враг.

Отступили, замолчали.
В стену стук сказал о том,
Чтобы без «понтов» встречали...
И что я — за паханом.

* * *

Заходи! Перетрем с тобой тему
О какой-нибудь странной войне,
И «бычками» расчертим по стенам
Что привиделось в тягостном сне

Мне! Тебе остается поверить
В то, что вычертит с дрожью рука
И «на взгляд» расстояние мерить
До простого на вид бугорка.

Но обман это! Верьте мне только,
Уж не первый мне чудится год,
Как полынный, духмяный и горький
Запах пороха сглатывал Дот,

И лилась штукатурка по стенам,
И секла по небритым щекам.
И витал запах Смерти и тлена
По испуганным этим строкам.

* * *

Тебе, мой ротный командир,
Я эти строки посвящаю.
Давно истлел и твой мундир,
И мать в могиле истлевает,

И некому тебе цветы
По датам класть на камень горный.
Вокруг жара, и след тропы
Да чужеземный говор вздорный,

Да крылья в небе распластав,
Парящий над землею хищник,
Как вражий снайпер щурит глаз
За зазевавшейся добычей.

Да я, с картиной той в глазах,
О чем пишу! Застыл на месте.
Афганистан уже не враг
Тебе: но враг твоей невесте.

Она седа уже давно,
Седее нашего комбата.
Ей небом исполнять дано
Ко мне нести цветы по датам.

* * *

Заверши свою работу
Мой сокурсник-офицер.
Положили «духи» роту,
Сердце взяли на прицел.

И тебе осталось только
Молча, выдернув чеку,
Взять с собой в могилу столько —
Сколь желаешь ты врагу.

И пускай победно кличут
Над тобой «Аллах Акбар».
«Заверши работу», — свищет
Ветер, лижущий плацдарм.

* * *

Скучно ныне на базаре.
Ни прополис и ни мед,
Ни по паре всякой твари
Хоть ты лопни — не идет.
Не спешит народ расстаться
С заработанной деньгой,
Все б ему, глаза, шляться,
А к покупкам ни ногой.
Но сегодня я с устатку
Дня бывшего! Продаю!!!
Орден, что получен в схватке,
Боль мою и кровь мою.
Неужели не заметят?
Цвет рубиновый горит...
И звезда, как солнце светит
Под запев моих молитв.
Подошел! Заметил кто-то
Кошелек тугой достал.
Кем ты был? Да я был ротным.
Ну а где? Афганистан!
И взамен звезды горячей
Рыхлой протянул рукой
«Фантик» мятый и смердящий —
Всем браткам «За упокой».

* * *

Предыдущей войны уж затянулись раны,
Но как увижу пестрый камуфляж,
Мне вспоминается и горизонт кровавый
И напрочь развороченный блиндаж.

И голова от лошади обозной
Еще моргала сединою век,
И бой дышал всей мощью своей грозной,
Но центром в нем был все же человек.

Я помню, санитар, вжимая в «плато»,
Подмогу для меня беззвучно звал,
И в гуле лопастей мой многократный
И дикий вопль, как в вате утопал!

* * *

Грешник, как и все, но все же
Я надежду сохраню,
Что, когда-то жизнь итожа,
Выдаст Бог мне в Рай броню.
И забудет о поступках,
За которые стыжусь
Я в любое время суток
Пред тобой, святая Русь.
Да хотя б за то, что ранее
Отдал все войне чужой,
И Беслан смертельной раной
Лег сквозь Совесть мне межой.
От того я горько плачу,
Сожалея, что не смог,
Сделать так, чтоб жизнь я начал
У остывших детских ног.
Но собою прикрывая
От огня горящих дул
Всех других детей, спасая
Русь! А вовсе не Кабул.

Эпизод боя

Пригнув загривок свой лохматый
И выставив вперед кулак,
Он шел, расхристанный, чубатый,
С кинжалом на ползущий танк.
И в триплекс виден был безумный
Его чудовищный оскал.
Простукал пулемет бездумно,
И он, разорванный, упал.
И тела не почуяв, траки
Вперед бездушно проползли,
Туда, где вспыхивал во мраке,
От дыма боя, холм земли.
И по броне гуляли пули,
Безвредные, как щелбаны
Для пацанов соседних улиц
Далекой, Русской стороны.
Качнуло танк и все затихло.
Покончено с лихим стрелком.
Остановились. Вышли. Выхлоп
От дизеля! И кисть с клинком.
Торчала меж щелями траков
Кость вместе с кровью пополам...
Да, на войне в таких атаках
Геройство Им дано и Нам.

* * *

«За все теперь плачу и плачу!», —
Назвал поэт свой тяжкий труд,
И я желаю наудачу
О том же написать талмуд.
Ведь я не деланно рыдаю

От боли с самых ранних пор,
Когда осколок, разрывая
Плечо, летел с Афганских гор.
И я за все теперь плачу
Здоровья золотой монетой,
Но знаю, даже палачу
Слеза знакома с детства — эта.

* * *

А я прошел сквозь пламень своих бед
Растерзанный, с подорванным здоровьем,
Стихи слагаю, вот уж сколько лет
Листы испепеляя алой кровью.

И мне грозили нож, сума, тюрьма,
И даже пуля лишнею не стала,
Рванувшись в цель из меткого ствола:
Куском свинца дышать предплечье стало.

И там ей хорошо, не как у всех,
Упавших вниз под скальпелем хирурга,
И жаловаться на судьбу ей грех —
Не трудно ей со мной, но мне-то, ох, как трудно.

Когда я ночью предаюсь мечтам,
Хочу забыть все то, что раньше было,
То суры из Корана почитав,
Христа молил, чтоб боль меня простила.
И руку мне с небес Святую дав,
Ждал мига, когда в сон меня сносило.

* * *

Я землю видел близко. Страх
Как червь скользил по ней,
Она скрипела на зубах,
Ее хоть ешь, хоть пей.

Она брала меня в полон,
Глаза слепила мглой,
Была постелью и столом,
Но не бывала злой.

Ее бы всю перекопал
И вдоль и поперек,
Когда б не горный перевал,
Где снайпер взвел курок.

* * *

Я себя когда-то думал
Недотепой называть,
Но войны Афганской дунул
Ветер, в плоть мою и стать.

И кусок свинца ключицу
На кусочки раздробил,
Стал я стрелянным! И птицей
Над былою думой взмыл.

Нет, такого быть не может,
Если стал ты, как металл,
И тебя уже не гложет
Голод с жаждою у скал,

Где за камнями укрылся
От огня душманов взвод,
Где ты заново родился
И любой тебя зовет

Хоть воякою бывалым,
Хоть братишкой. Например,
Твое имя — даже в малом —
Носит званье — офицер!

* * *

Ветеран не плачет, только стонет,
Вспоминая боль былого вслух.
Это боль во тьме веков не тонет
И слетела с губ его не вдруг.

Помнит он все то, что не забыто,
То, что не забудешь никогда, —
Как войны бесовские копыта
Тропкой в Ад бегут через года.

А сейчас и жизнь совсем другая,
Голливудский мельтешит экран,
Вот и стонет, губы в кровь кусая,
Под ее итогом ветеран.

* * *

Тупой удар — и на колено
Упал я, все про все забыв,
Боясь душманских пыток, плена,
Нечеловечески завыв.

Я пал меж двух камней и боле
Участья к жизни не давал,
Плечо корежило от боли
И пеленой укрыт увал.

Две фразы на крикливом *пушту*
Мне веру вверили: «я мертв!»,
Но тут заговорили пушки
И огрызнулся миномет.

И понял я, что жизнь огромна
И камни эти — талисман
Для капитана, что бескровно
На плато кровью истекал.

И чьи-то руки в плащ-палатку
Меня перевернули; «Жив!» —
Сказал один из них, сквозь складки
Штанины промедол всадив.

Случай

В порванной маскировке,
Раненый и худой,
Ползет по овражьей кромке
Летёха — совсем молодой.

В руках автомат без патронов,
Панцирем кровь на груди,
Спешит он! В глазах бездонных
Беззвучное — «Помоги».

Только к кому? В овраге —
Мертвый разведдозор,
А у него бумаги —
Духам прямой приговор.

Вот он и ладит в вечность
С вечной болью «стопы»...
Окрик: «Стоять!» — беспечность
Жизнь возле узкой тропы.

Старший сержант панаму
Перед «летёхой» снял.
А за планшет тот самый —
Орден ему засиял.

* * *

Полз танк, под ним дрожало плато
И осыпались камни с гор.
Лежал я, выдолбив лопатой
Над головой своей бугор,

Хотя и зад торчал снаружи.
Лопата разлетелась вдрызг,
Вели огонь по танку — хуже
Ножей в ушах буянил визг.

За ним короткой перебежкой
Пехота в бой никчемный шла,
Но мы-то на орла и решку
Гадали все свои дела.

Комроты с головой пробитой
Незряче небо озирал,
И дал приказ я — в это сито
Добавить ратный наш металл.

И духи дрогнули, заметив
Что с флангов пулеметы бьют,
И что вертушки в спины метят,
И что приходит им каюк.

И только я в победном раже
Что мочи закричал: «Вперед!»,
Меня у кромочки овражьем
Их снайпер сбил, как птицу. Влет.

* * *

Не люблю писать о горе,
Что на жизнь сполна мне выпало,
А тем паче, об историях
Что судьба мне в сердце сыпала.
С острой болью, как иголками
Разум с плотью бьет пронзительно,
Толками и кривотолками,
До смешного унижительного.
Мне милей не смерть кровавая,
Черепами окаймленная,
Мне милее дева славная
В осень, на Руси, под кленами.
А увалы их Афганские
И халаты длиннополые
Славят те, кто пил шампанское
По штабам с обслугой голою.
И пускай лицо со шрамами
Мне иной штабист захаркает,
Извинюсь, не с той ли раною
Он валялся, битый картами.

Перевал

Я заглушу мотор на перевале
И, прыгнув за броню, совьюсь в клубок.
Заговорит гранатомет в увале,
И вспыхнет у бронемашины бок.

А сверху, где туман лежит колючий,
Ствол снайпера затикает свинцом,
И над соседней острой, грозной кручей
Возникнут духи, яростны лицом.

Им будет мниться, что горящий броник
В себе тела десятков схоронил,
Но я один погиб — Алейчик Толик,
Что перевал для них собой закрыл.

* * *

И пелена перед глазами —
У сердца пуля мне вошла,
И ведомыми ей путями
Из-под лопатки в мир ушла.

И там, в просторах, на излете
Пробила птахе певчей грудь,
Упала мертвой та, и плотью
Своей — войны раскрыла суть.

А я последнее дыханье
Сквозь судороги, легким ждал.
Кровь горлом хлынула, и званье
«Груз 200» — делом оправдал.

* * *

Я — стол, четыре ножки,
А мог бы быть и о трёх:
От мины осколка кошкой —
Повешенной — друг сберег.
И смерть моя в грудь угодила
Тому, кто мертв как три дня,
Кого на кресте удавила
Душманской крутки петля.
Меня же лишь приласкала
И, по ключице скользнув,
Куском железа упала
На розово-белый туф...
И я молюсь за братишку,
Убитого трижды, но...
Я — стол, на котором книжка
Стихов моих... и мальчишка —
Повешенный — в яви снов.

Неотправленное письмо

Без оружия, с руками голыми
Я на «духов» обкуренных лез,
Из окопа, огня да в полымя
На зеленку — вверх до небес.

И кричал я: «Спаси меня, Господи!»
А в ответ мне: «Аллах Акбар».
И месил я, кого не попадя,
Хулигана припомнив дар.

И когда мне под ребра шомполом
Ткнул бригадный их генерал,
Небо выгнулось сверху куполом,
Как подкошенный, я упал.

Что мне смерть! Я кусал их ноги,
Ногти бурой землей сдирал,
За меня были наши Боги,
Против — карликовый генерал.

Не мгновения им не отдал бы
Для глумления над крестом,
Но плеснули на рану «содовой»,
И издал я, очнувшись, стон.

Нож вложили мне в руку с ухмылкой,
Предложили себя добить.
Генерал надо мною с бутылкою
Нож получит свой, так и быть.

А потом в ход пошли приклады,
Чей-то нож тронул нервный кадык.
Я письмо вам отправить и рад бы,
Только ворон вскричал мне «Кирдык».

* * *

Через бруствер закидывать тело
Даже с легким раненьем — беда!
Твоя сила «прощай» тебе спела:
Кровь из раны бежит, как вода.

Перебежки спасают нечасто,
А скорее почти никогда.
Тает личный состав твоей части,
Как из льда истекает вода.

Но ты старый вояка, к тому же
Сын солдата, вчерашний москвич.
Под тобой растекается лужа,
Над тобой в наступление клич.

И «Ура» эхом ринулось в горы!
На глазах рос проклятый бруствер,
И вели меж собою мы споры:
Я — за жизнь, он — за смерть, изувер.

* * *

Не вскрикнуть и не промолчать,
Повисли руки, словно плети.
С какого бы конца начать
Рассказ про то, чем жив на свете.

Женой ли молодой? Да нет,
Она обыденная стерва.
Достатком золотых монет,
Иль тем, что так корежит нервы?

Войной, в которой всяк не прав,
Направив дуло в грудь другому,
Любой и смертен и кровав
И «грузом 200» станет снова.

Любовью безответной, той
Что веснами в груди вскипает
Но не достигнет ни одной
Она души, и вновь растает.

Болезнью, душащей во сне,
Раненьями и болью в яви, —
Зимой и летом, по весне
И в срок осенними ночами.

Нет, не получится рассказ
Из этих неумных строчек,
И буду я в который раз
Собой обманут, между прочим.

* * *

Свинец металл, по сути, мягкий —
Когда его на наковальне бьешь,
Он плющится, тончает — да и плавкий
В огне горелки газовой он все ж.

Но если вдруг патрон он увенчает
Своим восьмigramмовым острием,
Затвор патрон в патронник досылает —
Удар бойка — и он летит с огнем.

Летит для цели ясной, чтоб алмаза
Превысив прочность, голову пробить,
Хотя и в каске цели, раз за разом,
Чтоб слух о слабине похоронить.

И кто возник сейчас в прицельной планке
И край окопа каской увенчал?
Свинец металл, по сути, все же плавкий,
И плющится о черепа овал.

* * *

Развалы своих чувств оберегаю
И самое заветное храню
В душе своей, я это точно знаю
И сам себя за это вот люблю.

Пусть будет светлым этот образ тайны
И чистым, словно дева под венцом.
Храню ее от мысли черной Каина
В убийстве — и врага с иным лицом.

И только в ночь, колени надсаждая
О черный пол светлицы у икон,
Я открываю грудь и награждаю
Весь чин узреть ее, со всех сторон.

И убедившись в том, что все сохранно
В ее недостижимых чертах,
Застегиваю грудь я через раны
Афганских пуль, смирительных рубах,

И вновь над ней завесу опускаю.
Как самое заветное храню,
Как жизнь, цену которой знаю,
Как — жажду видеть новую зарю.

* * *

Какой хороший этот мальчик —
При всем притом, что он больной,
И жив лишь силою одной
Лекарств, из самых разных пачек,
Что носит он в карманах брюк
И то и дело принимает,
То капсулу, не запивая,
А то таблетки, сколько штук?
А кто ж об этом знает? Он
Пьет их, когда совсем уж плохо...
Никак нельзя дышать и грохот
В его ушах со всех сторон.
Какой хороший мальчик был!
Он умер в прошлую неделю,
И что бы врач над ним не делал,
Бог сердца ход остановил.

* * *

Примите меня в Союз
В какой-либо. В лапах творчества,
Я есть неизменный плюс,
С фамилией, именем, отчеством.

Собою хорош, говорлив,
На разные темы и сходу
Слагаю о Личности миф
Своей, своему народу.

И пусть я не так силен
В сложеньи стихов о вечном,
Но я войной опален
И пулею вражьей мечен.

И посему пишу
О том, что никто не может.
Примите меня, прошу —
В Союз — с хитрецей и ложью.

* * *

Сгорел мой ротный, и не в танке,
На поле брани, а в быту,
Войну пройдя. Его останки
Развеял ветер поутру,

Среди садов весной цветущей
И дачных домиков — таков
Был приговор с небес могучих
(Из жизни выпал он оков).

И только в памяти сверкали,
Стежки трассирующих пуль.
Мой ротный вспыхнул в неге спальни
И рухнул, словно пепла куль.

* * *

Эка невидаль — раненье;
В жизни каждый чем-то ранен,
Кто женой, кто невезеньем,
А не раненый — всем странен.

Он чего-то недопонял,
Он чего-то, да не сделал,
И поэтому, он *пони*,
Хоть как конь, бесспорно, телом.

Пролетают дни веселья,
Его жизненного счастья.
Он не ранен? В самом деле?
Не колдун ли в одночасье!!!

Или смерть ему доступна
Лишь тогда, когда замену
Он найдет себе — и тупо,
Без эмоций, вскрыет вены.

Приехали, огляделись
Поставили сумки на пол.
«Какая же это прелесть!» —
Воскликнул умерший папа.
«А чем здесь так сладко пахнет?» —
Пытливо спросила мама.
Она не раз еще ахнет,
Хоть домом ей год уже яма.
«Да все это хрень Яхромская, —
Убитый бросит племянник. —
Одна блатота воровская,
Да вор в законе — карманник».
«А где раскулаченных держат?» —
Тревожно спросила бабуля,
На лбу ее след свежий
Ежовской расстрельной пули.
«Еврейские есть ли палаты?» —
Дед-инженер глаголил,
Его расстреляли солдаты
Вермахта там, где Гомель.
Бросьте расспросы, был бы
Резон открываться устам...
Впрочем, я здесь пожил бы —
«Груз-200» — Афганистан.

Диалог с мертвецом

Я не сидел бы здесь
И не стучал зубами,
Иная бы болезнь
Главенствовала над нами.
Нам альков был бы мил,
А не из камня ниша,
И кто б с ума сводил
Меня зарей, не слыша?
А здесь Афганистан —
Разломы, да увалы,
Да твой обмякший стан
И лик черней, чем скалы.

Меня пронизывали боли
Всего, от пяток до виска,
Я был рабом их и невольно,
Во плоти раненной таскал.
Я их желал бы, как осколок
Фугаса, выковырять вон,
Но путь в Кабул далек и долог —
Эвакогоспиталей стон
Остался в памяти на годы.
К тому уже возврата нет —
Остались боли, клиник своды,
И мутно — серый Белый Свет.

Красиво умирать не страшно,
Когда адреналин кипит
В крови, и в схватке рукопашной,
Страх до поры спокойно спит.

И то, какие разговоры
О страхе, знай себе — коли,
Надежно не вступая в споры
И самого себя хвали.

Мол, эка невидаль — судьбина,
Зависит только от тебя,
И смысла нет бояться льдины,
Проникшей в сердце, от огня.

Ведь умирать красиво даже
Почетней, чем в позоре жить,
И лезешь ты на дула вражьи
Чтоб страх в зародыше убить.

Дружба в понимании отставного лейтенанта

У друга нет определенья
И всякий на него похож.
И тот, кто меряет давление,
И в долг ссудит просимый грош.

Но в большинстве лишь сострадатель,
Тот, что обрел понятие «Друг» —
Он просто мирный обыватель,
Тем возвышающий свой Дух.

И помнится, как на разломах
Афганских гор хрипел стрелок,
А у меня в России, дома,
Невеста выжидает срок,

А здесь жужжащее кипенье
Над русой головой свинца,
И попаданье, и забвенье,
И смерть мгновенная бойца.

И я контуженный, в горячке,
Взвалив на плечи мертвеца,
Тащил его в укрытье — спящим
Спокойность кажется лица,

Не слыша мощный гул вертушки,
Не ведая движенье губ
Своих бойцов, я как игрушка,
Прижал к груди русый чуб,

И я, конечно же, не знаю,
Как разжимали руки мне,
Но точно верю, что по званию
Он другом был мне в той войне.

И унося его в укрытье,
Мне твердо верилось — Спасу!
И юной девушке открытку,
Солдатской почтой принесут.

И первое, что я воспринял
В реальном мире через слух —
Так это то, что кто-то имя,
Мое, сопряг со словом Друг!

* * *

Сон глубокий крайне редок,
Чаще забытье, метанье,
Простыней, подушек, пледа,
Тела, с жизнью расставанье

И приход сознания к сроку.
Пот с лица стирая липкий,
Вспоминает танков рокот,
Смерть друзей, свои ошибки

По позиции неверной,
Выбранной не с тем учетом.
Пулеметных гнезд каверны,
Жесткий бой летящий к черту,

И себя на волокушах,
И друзей без гимнастеров —
Лица скрыты ими. Слушай,
Надо ль так, свинец и порох...

Наблюдаю, примечаю,
Плачу, — слезы вместе с кровью,
Задыхаюсь и не чаю
Шевельнуть рукой иль бровью.

* * *

В кромешной тьме размыты очертанья
И плохо видно, кто к тебе идет.
Ужель беда, с слезливым причитаньем?
Или посланник радости найдет,

А может, славы тень ступает робко,
Что бы прижаться к хилому плечу
И орден приколоть на майку. Пробкой
Тот орден станет, коль зажжешь свечу.

А может это страх войны минувшей,
Крадется с орденами, но за что?
За мужество презрения мечтой,
И напрочь исковерканную душу...

* * *

Бросок по взгорью предусмотрен
В штабных новеллах много раз,
Туда, где заработать орден
Шанс — смерти равен. Твой экстаз
Во многом может пригодиться,
Когда в тебя зрачок глядит
Чужого снайпера и птицей
С гортанным криком «дух» летит.
И тут тебе иль гроб, иль орден,
Другого, право, не дано.
Коль враг застрелен, ты свободен
И место есть для орденов.
А если что не так, как нужно,
То пуля в голове сидит,
И вспоротой гортань хрипит,
И крови в круг чернеет лужа.

Рассказ капитана

В развалах скальных у Герата
Мой батальон в пылу азарта
Громил душманский караван.
А был ли вражьем он, иль не был,
Не ведало чужое небо,
Но от разведки «Свой» не дан.
И долго били минометы,
Громя охрану и вьюки,
И взрывы слышались, и роты
Сошлись с душманами в штыки.
Недолго бой кровавый длился;
Главарь, имам их, застрелился,
Мы вышли обозреть трофей.
Но затрещали вдруг вертушки
И сели рядом с врытой пушкой —
Комдив, конвой, и взвод парней.
Ко мне с «АК» наперевес
Конвой бежал, и, сдернув крест,
Я трибунала молча ждал.
Комдив железною рукой
Сорвал погоны, орден мой
И приказал надеть «браслеты»
Я понял, что колонны крах
Мне принесет позор и страх,
А может «Красный Гусь» заветный.
Ударил в голову приклад
Потухли чувства словно свечи,
Еще минут с десятков в пах
Конвой мне наносил увечья,

И заместитель мой, старлей,
Схватился за «ПМ». «Не смей!», —
Комдив скомандовал, и тело,
Как рухлядь, бросили на пол,
Мундир и брюки сняли — гол,
Я стал кроваво-красно-белым.
Когда я в чувство вновь вернулся,
Комдив ехидно улыбнулся,
Как улыбается змея
Перед броском последним самым:
«Так, значит, главный был имамом,
А Брежневым, наверно, я?»
На что я мудро промолчал,
На Душу сроки примеряя.
Во гневе особист мычал,
Что время зря со мной теряет.
Так дней прошло, пожалуй, пять.
Меня тиранили опять
Все тем же глупым утвержденьем,
Что караван был шедший наш,
Что зряшен мой военный стаж,
Коль принял я не то решение.
И снова — хуком по лицу,
Проклятье матери, отцу,
И мне знакомые угрозы.
Но дверь «Губы» вдруг распахнулась,
И мне с порога улыбнулась,
Едва живому, медсестра,
И раны мне перевязала,
И тихо-тихо прошептала:
«А ты герой еще с утра,

Разведка наша уточнила,
Тот караван полковник вел
Из Пакистана. Ты Орел,
Коль раздолбал такую силу.
Ну что ж, прощай, полковник мой!
Быть может встретимся, герой,
Как видится мне — ты Хранимый».
И убежала. Знай куда?
Вошел комдив. В руке вода
В графине светится кристаллом —
«Ну, пей, полковник, зла немало
Тебе мой Цербер причинил.
Разжаловать его, да стало б
На шавку тратить столько сил.
Вот твой мундир, конечно новый,
И красная звезда на нем.
Давай-ка это все запьем
Посольской водкой, не рублевой».
И в губы вдруг поцеловал,
В лица разбитого овал.
И все ж в конце концов заплакал.
Его слезами пол закапан,
В моей темнице скользким стал.
Мундир повесил на окно,
Все так же всхлипывал по-детски.
Я встал с трудом, и все мне сном
Казалось довоенным редким.
Накинув на себя мундир
Я вышел из темницы — мир
Свистел и пел своим созвучьем.
Майоры козыряли мне.

И «подполы», как бы во сне,
Свои протягивали руки.
А я к вертушкам, после в штаб:
Свой батальон увидеть рад
Мой глаз, украшенный фингалом.
И вот уже я к ним в пути,
Их трудно среди гор найти,
Но хуже мне совсем не стало.
И снова я у пушки той.
ПОЛКОВНИК. Бит самой войной,
И ей до дури вознесенный,
Но все ж живой. Чего сказать?
Я приказал всем спирта дать
И нрав смирил свой разъяренный.
С тех пор прошло немало лет.
Того полковника скелет
Лежит и ныне оскорбленным.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ	3
II том	3
«КАК ХОЧЕТСЯ МНЕ	4
БЫТЬ САМИМ СОБОЮ»	4
(2005 — 2006)	4
Холодно! Спаяно сердце в комочек	5
Я не такой, как другие	6
Сегодня мне трудно, как никогда	7
Нетвердой поступью идет	8
Чабрец	9
Как собака, улегся вечер	10
Простая бабенка, ничем неприметная	11
Храни тебя Господь, сынок	12
Верните скипетр династии Романовых	13
Страшна мне мысль о том, что будет	14
Случалось мне подглядывать, как девки	15
Как хочется мне быть самим собою	16
Здесь все, как было много лет назад	17
Учись давить в зачатке страхи	18
Где бы мне задуматься о том	19
Ничего мне на свете не жалко	20
Усопшая родня	21
Сердце милое, ты бейся	22
Сатане	23
Родительская суббота	24
Перед порогом оглянись	25
Я хотел бы научиться гладью	26
Приведите Правду на цепочке	27
Дышу еще, но, Боже мой	28
Я задумал песню спеть	29
Он в раке лежал золочёной	30
Каникулы	31
Давай, я изменю себе	32
Я сладких слов боюсь	33
Я жизнью всей тебе обязан	35
Провинциальным словом дорожу	36
Еретики! Кругом еретики	37

Прошли назначенные сроки	38
Украсть — любому в жизни шанс возможен	39
Безверье верой стало	40
От слова — спасенье, от слова и гибель	41
Вечер расстилается над Яхромой	42
Прости меня, ушедшая любовь	43
Ночь, но звезд пока не видно	44
Я хочу жить в доме на земле	45
Красы у солнца не займешь	46
Всю жизнь тебе лизать, как пес поганый	47
Пусть ветвь моя не сгинет во веках	48
Мне с тобою хорошо	49
Во мне не выпитая чаша	50
Я повернулся вслед летящей мысли	51
Я потерял себя в людской толпе	52
Я есть ничто! Я — пар от той слезы	53
За каждый день, что прожил на земле	54
Прошедшим не горжусь	55
Я хотел победить тебя!.. и победил	56
Небо звездное рыдало	57
Не лишай меня, Господи, силы	58
Сбудется это, а может, не сбудется	59
Не хотелось бы девичью память	60
«И СНОВА ДЕНЬ И СНОВА	61
Я ЖИВУ» (2007 — 2008)	61
Архив семейный, все мои родные	62
В стародавние дни и часы	63
Согнувшись в три дуги	64
Из чащобы вышли двое	65
Станный гастарбайтер этот	66
Северный ветер в объятья ревнивца	67
Богородский край просторный	68
Стоит Чапаев с шашкой наголо	69
Я знаю, что тебе сегодня плохо	70
Проходит жизнь в объятьях ночи	71
Свой! — это тот, кто с тобой заодно	72
В сумерках любой предмет пугает	73
Сдал наконец-то! Все так просто	74
Приготовьте розги для меня	75

Понедельник	76
Усыпила бабка кошку	77
Моя любовь, она в горсти.....	78
Порою недосказанность кричит.....	79
Прошедшим поколениям — почтенье.....	80
Смотрю и вижу: сквозь грудину	81
Громыкнуло где-то, тучи	82
Дай испить любви мне, краля.....	83
Вырос из дождя забор до неба	84
Разум мне подсказывает — тише.....	85
С чего бы мне сегодня плакать	86
Хочу я вспомнить сказки, на которых.....	87
Меня кремировали нынче.....	88
Мой потомок дальний, здравствуй	89
Я тем велик, что нахожу слова.....	91
Сомненье	92
Я колдовал в лесу — на сон-траве	93
Нечего страдать по прожитому.....	94
Родник неправильным был. Бил	95
Святую воду пил поэт	96
Я словно тот пескарь речной.....	97
Как хочется чего-то без подвоха.....	98
Моя любовь к тебе неоспорима	99
Поищи занятие по Душе	100
Добро и зло столкнулись в небе.....	101
В палате	102
Забытая сказка	103
По встречной полосе езда опасна	104
Узор жизни.....	105
Господь, храни меня в делах	106
Я тебя люблю, как прежде	107
По жизни я не промах. И стрелок	108
Господи! Дай мне женщину	109
Молитва	110
Идти вперед затылком — хорошо	111
Мало в жизни я сделал хорошего	112
Что будет с нами, друг мой, через годы.....	113
Жара	114
Озлобленность советчик не из лучших	115

Морозно, солнечно, просторно	116
Я сегодня ночью встану	117
«УЛОЖИ В СТРОФУ	118
ВСЕ МЫСЛИ»	118
(2008 — 2009)	118
Волна лизала пеной белой	119
От зла не остается зла	120
Сновиденье подсказало,	121
Пастораль сыграй мне, пастушок, —	122
В неясный день такого-то числа	123
Сидит забитый мужичонка	124
Над старым пианино свесил	125
Уложи в строфу все мысли	126
Воздух стеклянно-прозрачный,	127
По велению сердца и ради	128
Звери не только с клыками	129
Надежда	130
Два флага на избе висели	131
Последний день перед Постом	132
Владей без страха тем	133
Корни деревьев не пьют еще влаги	135
Детей своих не научи	136
Конечно, что со мною было	137
Сегодня день такой погожий	138
Зарубка на стволе зияла,	139
Нынче деньги я потрачу	140
Я купил ноутбук — это дивное диво	141
Садитесь, пан вельможный	142
Горе скромнее радости	143
Принимайте гостей, даже если звучит неприятье	144
Взошёл на небе месяц, как секира	145
Одышка грудь сдавила лапой	146
Утро кошачьей походкой	147
А небо — лучик уронило	148
ЭХО АФГАНИСТАНА	149
(1999 — 2009)	149
Стрелок	150
Отпущение греха	152
Беспечного отца беспечный сын	154

Салам, Руслан! Мне только и осталось	156
И все же я считаю: воевал	157
Когда я тело прятал в скалах.....	159
Мои чувства — они опоганены.....	161
Был тяжек сон мой в эту ночь	162
Он избран народом, он — твой депутат.....	164
Собираю я патроны	165
Не надо брать от жизни то	167
О, эти муки перед дверью.....	169
В пыли не шуточных баталий	170
Была одна, была единая	171
Ассоциации	173
Я испытывал терпенье	175
Что мне делать? Хоть ты, юный друг, подскажи	177
Ты плачешь над собой, калека	179
Твоя рука, как пух лебяжий.....	181
И каждый день одно и тоже	182
Боль в затылок ударяла.....	184
Заходи! Перетрем с тобой тему	186
Тебе, мой ротный командир	187
Заверши свою работу	188
Скучно ныне на базаре.....	189
Предыдущей войны уж затянулись раны.....	190
Грешник, как и все, но все же	191
Эпизод боя.....	192
«За все теперь плачу и плачу!»	193
А я прошел сквозь пламень своих бед	194
Я землю видел близко. Страх.....	195
Я себя когда-то думал	196
Ветеран не плачет, только стонет	197
Тупой удар — и на колено.....	198
Случай.....	199
Полз танк, под ним дрожало плато.....	200
Не люблю писать о горе.....	201
Перевал	202
И пелена перед глазами	203
Я — стол, четыре ножки.....	204
Неотправленное письмо.....	205
Через бруствер закидывать тело	207

Не вскрикнуть и не промолчать	208
Свинец металл, по сути, мягкий	209
Развалы своих чувств оберегаю	210
Какой хороший этот мальчик	211
Примите меня в Союз	212
Сгорел мой ротный, и не в танке	213
Эка невидаль — раненье	214
Приехали, огляделись	215
Диалог с мертвецом	216
Меня пронизывали боли	217
Красиво умирать не страшно	218
Дружба в понимании отставного лейтенанта	219
Сон глубокий крайне редок	221
В кромешной тьме размыты очертанья	222
Бросок по взгорью предусмотрен	223
Рассказ капитана	224

Алейчик Анатолий Александрович
Мой потомок дальний, здравствуй!
Стихотворения. Избранное в 2 томах.
Том II

Редактор-составитель С. Д. Гладыш

Компьютерная верстка и художественное оформление
Издательство «БПП»

ISBN 978-5-901746-15-8

ООО Издательство «БПП»:
121601, Москва, Филёвский бульвар, 1, 11А
www.web-bib.ru